

Алексей Рыжый

Несни/Тамни

Алексей Ручий

**Песни/Танцы. Песни Одинокого
Героя, Танцы Заблудших Душ**

«Издательские решения»

Ручий А. В.

Песни/Танцы. Песни Одинокого Героя, Танцы Заблудших Душ /
А. В. Ручий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740579-3

Контркультурный роман о герое Поколения Y, пытающемся найти себя в реальности конца нулевых — начала десятых годов 21-го века, чьи жестокие правила и образы подчас оказываются гротескней и страшней правил и образов являющегося ему мира-перевертыша с подвластным кровожадному Минотавру городом-лабиринтом, по которому рыщут беспощадные убийцы — тени и отражения нас самих. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-740579-3

© Ручий А. В.
© Издательские решения

Содержание

Возвращение – Песнь 1. Куплет 1	6
Танец Погружения	14
Возвращение – Песнь 1. Куплет 2	15
Танец Ночных шорохов	21
Возвращение – Песнь 1. Куплет 3	22
Танец Одинокого певца	31
Передышка – Песнь 2. Куплет 1	32
Чумной танец	42
Передышка – Песнь 2. Куплет 2	43
Танец Уходящего все дальше и дальше	48
Передышка – Песнь 2. Куплет 3	49
Танец с абсурдными вариациями	58
Передышка – Песнь 2. Куплет 4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Песни/Танцы Песни Одинокого Героя, Танцы Заблудших Душ

Алексей Викторович Ручий

*«Если бы все мы вдруг стали кем-то еще»
Джеймс Джойс «Улисс»*

Дизайнер обложки Максим Валерьевич Максименко

© Алексей Викторович Ручий, 2022

© Максим Валерьевич Максименко, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-4474-0579-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Возвращение – Песнь 1. Куплет 1

В тот день я прощался с черными птицами. Черные птицы кружили над дивизионным плацем. Черными квадратами окон грустили мне вслед серые параллелепипеды казарм. Я уходил. Они оставались.

Немного болела голова после выпитой ночью, после отбоя, водки. Водку поставил прапорщик. Мы были его последним призывом здесь, часть расформировывали.

Майское солнце скальпелями лучей резало зеленые покровы листвы. Яркие блики плясали по гнилой воде в сточных канавах. Что-то кончалось, оставаясь позади пройденной дорогой, что-то неведомое вставало вдали, за домами, темным силуэтом в шляпе, прячущим лицо. Я думал о черных птицах.

На КПП меня ждал Паша – так мы договорились. С Пашей нас связывало многое. Мы были друзьями и до армии. Вместе жили в студенческой общаге, вместе праздновали победы и переживали утраты, вместе влюблялись, сходили с ума – всего не упомнишь. В хаосе тех вероломных лет вместе оказались отчислены из университета и в один прекрасный день решили идти в армию. Призвались с разницей в два дня. Он из Брянска, я из-под Питера. Через полгода встретились в дивизии. Год служили вместе. Демобилизовались в один день. И такое, как видите, бывает.

Паша был весел и скалился во все тридцать два. Еще бы – дембель. Дембель неизбежен, как говорили тут. Но неизбежно и все остальное. Все то, что ждет впереди. Розовая каша расцветов и вскрытые вены закатов.

– Привет, сказал он, – и протянул руку.

– Привет, – ответил на рукопожатие я.

Молча мы миновали КПП. Махнули на прощание дневальному. Тот с тоской посмотрел вслед. Остающиеся всегда завидуют уходящим – так устроен мир.

– Свобода, да?! – скорее утвердительно, чем вопросительно, произнес Паша.

– Да уж, – я достал сигарету.

За КПП тянулось пыльное шоссе. Съеденная скукой сердцевина мира. Безлюдная остановка посреди пустоты. Мы направились туда.

Минут через пятнадцать подошел автобус. Мы загрузились в него и поехали в сторону города. Поплыл мимо КПП, нестройный ряд казарм вдалеке, плацы, флаги и вымпелы, строевой шаг, отбой и подъемы, тревоги и мирные будни. Прощайте – я не буду по вам скучать.

Автобус пропылил мимо дачного поселка, проехал покореженные каркасы какого-то полуразвалившегося заводика и въехал в город. Еще минут через десять мы были в центре, там и сошли.

Паше надо было купить гражданку. Я же решил ехать домой по парадной форме одежды, в темно-зеленом солдатском мундире с золотыми пуговицами, – в этом мне виделся некоторый шик. Хотя в остальном мне было все равно. Лишь бы подальше отсюда.

Пятница, но даже в центре города было немногочисленно. Редкие прохожие иногда проскользывали мимо, но тут же скрывались за домами либо в дверях магазинов. Неторопливые прохожие застывших городов. Застывшие города, наполненные неторопливыми прохожими, живущие согласно неторопливому распорядку неторопливого времени, которое баюкает их своей тягучей колыбельной. Мир умирает – вот так думал я – мир умирает, а мы остаемся. Справлять тризну по нему.

Гражданку Паше купили на рынке, существенно сэкономив и время, и – главное – деньги. Я предложил выпить по пиву – похмелье надо было гнать взашей, не давая ему занять надежные позиции и тем самым уступая преимущество в бою. С ним нужно было бороться незамедлительно. Паша, впрочем, идею поддержал без колебаний.

Мы взяли по бутылке в ларьке и пошли в сторону реки, несущей свои мутные воды по дну заросшего кустами и мелкими деревьями оврага. По городу ходили патрули – и попадаться им в форме и с пивом мне совсем не хотелось. Паше было плевать – он переоделся в гражданку еще в примерочной.

– Ну, давай – за дембель! – я поднес свою бутылку к Пашиной.

– Давай. Дождались-таки.

– Дождались, – бутылки звонко ударились боками.

Река была грязной, в желтоватой воде то и дело проплывал мусор; деревья по берегу росли чахлые, со скривленными стволами, покрытыми растрескавшейся корой. Местные жители устроили в овраге свалку. Но нам было плевать: свобода рождалась именно здесь, среди всех этих нечистот, она рвалась случайной искрой из крошечной тьмы, готовая освещать наш дальнейший путь...

Я поймал себя на том, что мыслю, пожалуй, слишком пафосно. Нет, по сути, никакой свободы. Все, что ждет нас дальше, мало чем отличается от того, что было буквально вчера. Это замкнутый круг, по которому нам придется ходить до скончания времен. Впрочем... Пиво делало свое дело, и нехорошие предчувствия ускользали прочь, как пенная жидкость из бутылки.

– Во сколько у тебя поезд? – спросил я Пашу.

– Не знаю, должен быть вечером.

– Да, мои тоже все в ночь идут.

– Тогда у нас еще целый день.

– Ага.

Мы сделали по большому глотку. Мое самочувствие улучшилось. Улучшилось и настроение. Дембель! Дембель, черт побери!

– В Москву когда поедem? – я вновь обратился к товарищу.

– Пиво допьем и поедem. Мне еще с братом надо встретиться. Познакомишься, кстати, с ним.

– Познакомлюсь, куда же я денусь.

Пиво подошло к концу довольно быстро. Последствия ночных возлияний были ликвидированы. Все потихоньку налаживалось. Можно было дышать полной грудью. Ловить легкими майский воздух, глазами – искрящиеся моменты свободы.

Так бывает – когда после долгого смирения даешь волю чувствам. Жизнь на время окрашивается в радужные цвета. На время – но все же. Потом все, конечно, вернется на круги своя, но сейчас... сейчас надо жить этими минутами. Проживать их. Легко. Беззаботно. Отчаянно.

Мы выкинули пустые бутылки в кусты, перешли сваренный из арматуры и ржавых железных листов мостик и направились к железнодорожной станции. Говорить больше не хотелось. Молчание – удел всего живого. Особенно когда и сказать-то нечего.

После сумрака оврага солнце ударило по глазам с новой силой, мир заискрился и заиграл свежими красками. Мир, огромный мир. Который предстояло заново постигать. Окунаться в него с головой, нырять в омуты, не ведая дна. Такова жизнь. Ты все время бежишь за кем-то или за чем-то, а, может, от кого-то или от чего-то, не соображая, не стараясь соображать, не пытаешься понять – зачем все это нужно. Ноги в руки – и вперед.

До станции дошли пешком: погода и настроение располагали. Прошлись напоследок по узким запыленным улочкам затерянного на периферии городка. Окна типовых панельных домов с грустью смотрели нам вслед. Мы прощались с ними, не собираясь возвращаться. По крайней мере, в ближайшее время.

На станции первым делом пошли в кассы. Паша приобрел билет на вечерний поезд до Брянска по воинскому предписанию. Прикинув, что к чему, я решил, что свой билет возьму на вокзале в Москве, поэтому тщательно изучил расписание электричек, пока ждал его. Бли-

жайшая электричка до столицы шла через сорок минут. О чем я и сообщил товарищу, когда тот вернулся.

– Время еще есть, – коротко резюмировал он итоги моего доклада.

– Да, есть. Надо бы чего-нибудь поесть.

– Продолжаешь стихи писать?

– Только начинаю.

Паша засмеялся.

Мы взяли по два беляша и по чашке кофе в киоске на привокзальной площади. Встали у столика с навесом, расположенного тут же, у киоска. Молча прикончили дымящиеся пирожки. Выпили кофе. К нам подошел какой-то старик.

– Что, ребята, на дембель? – спросил он.

– Ага.

– Ну, молодцы! Из дивизии?

– Из нее, родимой, – я полез за сигаретой.

– И далеко теперь?

– Далеко.

– Куда?

Я чиркнул зажигалкой.

– До Питера.

– Ну, это еще не так далеко... Удачи вам тогда!

– Спасибо!

Старик пошел дальше. Паша вслед за мной достал сигареты. Я протянул ему свою зажигалку. Не торопясь, он прикурил, глубоко затянулся, немного подержал дым в легких и плавно выдохнул. Спешить было некуда. И незачем. Хотя...

Тут вопрос философский. Зачем тогда мы так усердно куда-то спешили весь срок своей службы в армии? Куда неслись? В армии ведь иначе никак – все постоянно куда-то спешат, ломятся, бегут: офицеры торопят солдат, солдаты торопят свой дембель. Поэтому в армии каждый день аврал, так уж она устроена. Когда паровозу и вагонам не по пути, хорошего состава однозначно не выйдет.

Сегодня я прощался не только с черными птицами, сегодня я также прощался и со всей этой зеленой суматохой на грани безумия. Теперь меня ждали другие моря, может, не менее беспокойные, и другие города, может, не менее жуткие, но другие. Другие миры, в которые нас никогда не пускали.

– Пойдем что ли на платформу...

– Пойдем.

Платформа медленно заполнялась людьми. Мы поднялись по бетонным ступеням и пошли в ее дальний конец – там было свободней. Вокруг яркими красками расцветала весна; весна надежд, весна любви, весна знакомой, но забытой свободы – как все забытое имеющей горький водочный привкус. Хотелось всего и сразу. Так, наверное, бывает со слепыми, которым внезапно выпадает удача прозреть: тебе не унять свой аппетит, не насытиться этим миром, пока ты не потеряешь все силы. До конца. А тут мы однозначно пойдем до конца.

Электричка пришла минут через пятнадцать. Мы оперативно загрузились в нее и заняли места у окна. Вагон мгновенно заполнился: тут были дачники с разбухшими рюкзаками, задумчивые пенсионеры с газетами, которые с сосредоточенным видом разгадывали кроссворды, шумные дети в сопровождении своих усталых родителей, коротко стриженные ребята, ехавшие в столицу по только им известным делам, несколько офицеров из гарнизона... – смутные тени, солнечные блики, свет и тьма. В общем, бесконечный балаган жизни.

Когда электричка тронулась, этот балаган равнодушно продолжил предаваться своим делам и развлечениям; у нас же остались позади полтора года жизни. Падения и взлеты, достижения и промахи...

Как будто безвоздушное пространство кончилось, и теперь можно было попробовать начать дышать...

Замелькало, закружилось за окном. Понеслась прочь станция, город, типовые дома и промышленные зоны, заброшенные развалюхи и ржавеющие ангары... за ними – лес, поля, деревни. Понеслось время...

Голос из громкоговорителя объявлял станции, одну за другой; они мелькали мимо окон полупустыми платформами, разноцветными дачными домиками, зазубренными гарпунными верхушками елей. Я смотрел в эту чехарду сквозь мутное стекло с нацарапанным на нем нецензурным словом и погружался в мягкую податливую дрему. Прочь, прочь отсюда. Навсегда. В никуда...

В армию я уходил с проблемами. Точнее – с целым рядом проблем.

Во-первых, я нигде не работал и не учился. Из университета меня отчислили еще весной, и до осени я просто слонялся туда-сюда, пытаюсь отыскать и занять свою скромную нишу в этом мире.

За это время я успел попробовать себя в специальности помощника юриста, курьера, специалиста по подделыванию печатей и штампов, грузчика, строителя и, конечно, мужественного пьяницы.

Алкоголь был второй проблемой. В том обществе, которое меня окружало, выпивали практически все. Компания мечтательных неумех и амбициозных неудачников – алкоголь помогал нам найти компромисс с жестокой и беспринципной реальностью.

Но своего места в мире в ходе этих хаотических поисков я так и не обнаружил. Тот, кто создавал мир, видимо, не предусмотрел того факта, что однажды здесь появлюсь я. И это была третья проблема, основная.

Нахождение среди множества людей, как это ни парадоксально, ведет к неременному одиночеству. Ты просто-напросто начинаешь понимать, что не нужен никому и, в первую очередь, самому себе. Именно себе... Узел завязывается все туже, ты мечешься как раненый зверь, но выхода нет. Надо рвать и рвать конкретно. Напрочь. Навсегда. Но даже это не гарантирует тебе ничего. От себя не уйдешь. Тут заключена четвертая проблема, самая болезненная...

В какой-то момент я устал. Я пытался вырваться из порочного круга, рванув через всю страну за ускользающей любовью, без денег, на электричках. Но любви я предсказуемо не нашел. Любви было не до меня, у нее были свои планы, и улыбаться она любила лишь тем, кто был более удачлив. Так я остался ни с чем. Хотя...

Страна освежила и немного приободрила меня. Впервые в жизни я совершил самостоятельное путешествие. Впервые в жизни увидел пшеничные поля до горизонта. И услышал ветер, раскачивающий наливающиеся зерном колосья. Новые ощущения и незнакомые чувства – пожалуй, это все, что я мог заполучить тогда. Может, еще решительность, которой мне всегда недоставало. Ничего другого у меня не было. В том числе и идей о том, что же делать дальше.

Лихорадочно теребя мысли, я искал способ вырваться из того мрака, что окутывал мое настоящее. Способ приходил на ум один, классический: бежать. Вставал вопрос: куда? В тюрьму меня не брали, хотя периодически грозились (именно вариант заточения, который совсем не радовал мою свободолюбивую натуру, и подтолкнул меня к решительным действиям), оставалась – армия. В армию у нас берут почти всегда и почти всех – и берут, надо сказать, с удовольствием. С руками и ногами. Впрочем, могут взять и без них.

Но в моем случае даже тут все вышло гораздо сложнее, чем я предполагал. Если подробнее: брать меня хотели, очень хотели. Женщины в райвоенкомате, когда узнали, что я сам, добровольно, хочу отправиться отдавать долг Родине, расцвели, словно только что нашли клад. Впрочем, при современном отношении молодежи, да и не только молодежи, к армии – все так и было. Другое дело – психиатр. Психиатр на медкомиссии наотрез отказался пропускать меня. Из-за шрамов на руках.

Шрамы – да мало ли их было на мне, этих шрамов. Каждое значимое (и совсем незначимое) событие, каждый удар судьбы запечатлевался на мне тонким белым рубцом. Я вел войну против себя. Беспощадную, безжалостную. Но психиатру – женщине того возраста, когда климакс откладывает неприятный отпечаток на характере – этого было никогда и ни за что не понять, она нервничала, тихо ненавидя всех, и попросту не хотела брать на себя ответственность за столь сомнительного в психическом плане призывника. Поэтому отправила меня от греха подальше в областную психбольницу на обследование. Пусть уже там разбираются: могу ли я служить в армии или нет.

Порадовал только майор, который руководил призывной кампанией. Пробежав по мне хитрыми въедливыми глазками, он коротко заключил:

– Езжай. Если в армию хочешь – тут его глаза особо хитро сверкнули, дав понять, что мое желание весьма удобно вписывается в его личный план по получению премии за редкое отсутствие недобора призывников – они тебя пропустят. Парень-то ты нормальный.

Нормальный парень – с такой исчерпывающей характеристикой в качестве багажа я и поехал в областную психбольницу.

Ехал с пареньком года на три-четыре младше, отправленным тоже по линии военкомата. Звали паренька Рома. Его мне препоручили под покровительство хитрый военкоматовский майор и Ромина сердобольная бабушка: она боялась, что по пути тот обязательно где-нибудь потеряется. В анамнезе Рома имел драку на школьной дискотеке, в ходе которой он порезал кого-то «розочкой» из бутылочного горлышка, а также еще ряд неприятных инцидентов, позволивших отправить его на обследование с диагнозом, в котором значилось что-то вроде неумения контролировать агрессию и склонность к социопатии (сильно сомневаюсь, что бабушка знала об этом). Помимо этих недостатков, относившихся скорее к внутренней стороне Роминой натуры, имелся и еще один, внешний – Рома отличался излишней болтливостью: говорил много, но, как и все болтуны, не по делу.

Областная психбольница находилась в живописном месте под Гатчиной, вдали от райцентра и больших автострад – километрах в пяти от ближайшей железнодорожной станции, на опушке леса, промокшего от октябрьских дождей и хмуро смотрящего черными глазами в окна больничных корпусов.

Сначала мы ехали три часа на автобусе, затем полтора часа на электричке, и в завершение вояжа минут десять тряслись по грунтовке на выдавшем вида «ПАЗике». Все это время Рома терроризировал меня своей докучливой болтовней. Казалось, он мог говорить обо всем на свете, совершенно не терзаясь тем, насколько некомпетентно и абсолютно по-идиотски звучат его слова.

Наконец вылезли на безлюдной остановке среди куч палой листвы и луж, в которых отражалось хмурое осеннее небо. Вдалеке виднелись какие-то полуразвалившиеся избышки. Видимо, там была деревня.

Неподалеку от остановки возвышались кирпичные корпуса психбольницы. Зрелище впечатляющее: окна, забранные металлическими решетками и отдаленно напоминающие неподвижные глаза покойника, сырые потеки по стенам от непрекращающихся дождей, местами оторванный шифер на крыше. Достаточно, чтобы сделать некоторые нелицеприятные выводы.

Даже если вы совершенно здоровы, длительное пребывание здесь превратит вас в конченого психа – заключил я.

Мы с Ромой перешли дорогу, обогнули невысокий забор, прошли мимо пустой сторожки со шлагбаумом и оказались перед деревянной дверью с окошком. Постучались. Мне показалось, что к окнам психбольницы тотчас прильнули десятки смутных силуэтов...

Наверное, показалось, потому что, когда я поднял свой взгляд вверх, на меня мрачно посмотрели лишь проржавевшие решетки да квадратики серого стекла.

Стучаться пришлось раза три – только после этого окошко в двери нехотя отворилось, и оттуда выглянула заспанная женщина неопределенного возраста.

– Мы прописываться, – сию же секунду возопил Рома.

Глупый человек.

– По направлению, – уточнил я, – на обследование.

Женщина смерила нас хмурым взглядом.

– Раньше не могли приехать?

– Мы вообще-то из области, с другого конца, это двести с лишним километров...

Вряд ли мои доводы показались ей хоть сколько-нибудь убедительными, потому что приветливости в ее взоре не прибавилось. Но дверь она все же открыла.

Мы прошли через небольшой коридорчик и очутились в приемном отделении. Нас тут же встретила дежурная медсестра. По виду она мало чем отличалась от хмурой женщины: тот же неопределенный возраст, та же пугающая жесточенность в глазах.

Нас коротко допросили о причинах направления в психбольницу. Отвечать на их вопросы было неприятно, по крайней мере, мне. Словно ты пытался оправдаться, что не являешься психом, и лишь по нелепой случайности оказался здесь.

Случайно в психушке не оказываются – это читалось в их глазах. К тому же вряд ли хоть один псих когда-либо признает себя таковым – ведь в противном случае он автоматом покидает категорию психов.

Они что-то записали в своих картах. Точнее в наших картах. Затем забрали у нас паспорта и телефоны. Иметь их здесь запрещалось.

Такого расклада я не ожидал. Настроение упало ниже ватерлинии, в темный кишачий крысами трюм. Воображение начинало рисовать совершенно мрачные картины. Это тюрьма. Тюрьма, в которую мы с Ромой добровольно заточили себя. Все ведь так и выходило.

Потом мы в сопровождении хмурой женщины поднялись по лестнице на последний этаж. Шагая по ступенькам, а затем по коридору стационара, я вскользь осмотрел свое новое прибежище. Всюду решетки. И двери без ручек. Ручки медперсонал носил с собой. Одной из таких хмурая женщина открыла нам дверь в отделение.

За этой дверью начиналась совершенно другая жизнь. Коридор. Палаты без дверей, просматриваемые. Туалет с огромным круглым отверстием в двери. Погруженные в себя личности на скамейках вдоль стен. Отсутствующие взгляды. Подвыпивший медбрат, который проводил нас в небольшую каморку, где положено было храниться вещам. Там мы переоделись. Взяли с собой лишь сигареты.

Сигареты в психбольнице – это вообще отдельная история, заслуживающая небольшого рассказа. За сигарету психи готовы на все. В прямом смысле этого слова. Все зависит только от вашей извращенной фантазии. За тлеющим в пальцах фильтром выстраивается очередь. Так что скурить целую сигарету в сортире психбольницы – даже и не мечтайте.

Наша палата была возле входа в отделение – там особняком лежали только военкоматовские. Психи были в палатах по соседству. Но ощущались. Ощущались достаточно сильно. Особенно Слава. Слава – человек-сирена.

Слава почти не видел. Когда-то он работал сварщиком, на работе потерял зрение, остался без работы. В поселке, где Слава жил, это означало практически верную гибель, поэтому неудивительно, что Слава любимая жена, не сильно охочая до работы, зато питавшая слабость к алкоголю и другим прелестям жизни, от мужа-инвалида откристилась сразу же: принялась

гулять напропалую, водить мужиков, нисколько Славы не стесняясь, а потом и вовсе бросила, переехала к одному из своих хахалей.

Так Слава двинулся. Попал в психушку. В больнице психи из активных, пользуясь тем, что Слава слеп, всячески издевались над ним. Пинали, обкрадывали. Вполне вероятно, что кто-то даже периодически совершал с ним акты мужеложства.

Что говорить: если уж сама жизнь так обошлась со Славой, то что было взять с больничных дуриков? В общем, было Славе совсем плохо. И Слава, пытаясь хоть как-то воспротивиться измывающейся над ним реальности, начинал выть.

Выл он часами. Начинал сразу после завтрака – и продолжал почти до обеда, пока транквилизаторы, которыми Славу усиленно накачивали, не погружали его в тихий безвольный анабиоз. Его вой – яростный, злой, полный обреченности – метался по коридорам психбольницы как смерч, в нем была заключена вся боль помутненного сознания, сознания-тюрьмы, в которой бились остатки разума.

Звонить домой можно было только один раз в сутки – для этого выдавали на время наши телефоны. Звонок проходил под присмотром старшей сестры. На вопрос матери «как там кормят?» я отвечал просто: «как в сказке», подразумевая сказку «Каша из топора». Старшая сестра иронии моей не понимала в силу своей природной ограниченности, посему оценивала мое выражение как правильное и улыбалась. Так оно и лучше.

Потому что продукты из столовой воровали. Воровали все: повара, медсестры, врачи. И, как следствие, кормили в больнице очень плохо, скудно и невкусно. Психам ведь все равно, что жрать – они психи. И пожаловаться им некому. Приблизительно так рассуждали местные философы от кулинарии.

Мы, военкоматовские, по возможности сторонились местной пищи, питаясь исключительно для поддержания сил, и надеясь поскорее вырваться из этого блокадного ада – поэтому к нашим столам всегда выстраивалась очередь: доесть.

Время убивали, играя в карты. Я иногда читал. Аркадия Гайдара. Гайдар тоже когда-то лежал в психбольнице, насколько мне было известно. Поэтому я невольно чувствовал какое-то родство с писателем. К тому же мне нравился его стиль. В его детских на первый взгляд книгах я открывал для себя взрослую правду жизни.

За окном, забранном решеткой, скучал осенний лес. Изредка по козырьку стучал мелкий вкрадчивый октябрьский дождь. Мир был погружен в темную транквилизаторную дрему. Его сумасшедший бог качался из стороны в сторону, твердя мантру на одном из потерянных языков прошлого, выдувая слюнные пузыри растрескавшимися губами. Казалось, что все вокруг – это и есть одна огромная психбольница под названием «Стационар МИР», выписки из которой ждать не приходится.

Дня через два из города приехал психолог. Не знаю почему, но меня позвали к нему, а точнее – к ней, на прием первым. Впрочем, не исключаю, что тут и была своя логика: в нашем военкоматовском братстве я был единственным, кто не косил. Не косил от армии и не прикидывался дуриком. Плюс история моя была все-таки более-менее обычной.

Психолог – молодая приятная женщина – мне понравилась. Правда, занимались мы с ней почти полтора часа откровенной ерундой: разгадывали какие-то ребусы, перебирали разноцветные карточки, она что-то спрашивала, я что-то отвечал. Лишь в конце она спросила про мои шрамы. Я ей все рассказал. Все-все... Да, я был влюблен. Да, пару лет назад. Да, не находил себе места. Да, писал стихи кровью и посвящал их Ей. А Ей было плевать. Как-то так.

Возможно, психолог даже позавидовала моей чистой юношеской любви. Хотя, скорее всего, нет. Я был всего лишь новым экземпляром в ее только начинающей формироваться клинической коллекции.

После психолога меня принял и главный психиатр. Мы беседовали где-то с полчаса. Он задавал вопросы, я отвечал. Все как с психологом, только без разноцветных карточек и с меньшим выбором вариантов ответа. По сути дела, все сводилось к однообразным «Да» или «Нет». На теме поэзии, правда, скудная фабула нашего разговора немного обогатилась:

– Стихи пишешь? – спросил главный психиатр.

– Пишу.

– Это хорошо. Только зачем кровью?

Я пожал плечами. Что мне было отвечать? Стихи – это и есть кровь. Пот, слезы, сперма. Стихи – это то, что наполняет все четыре камеры моего сердца, то, что кипит в моих железах, выделяется зловонными секретами из пор моей кожи.

– Публиковаться пробовал?

– Было дело.

– Успешно?

– Относительно. Все относительно.

Тут, пожалуй, главный психиатр со мной согласился. Он посмотрел в окно своего кабинета, тоже разрезанное на части прутьями решетки, на продрогший лес и как будто погрузился.

– На флоте хочешь служить? – он указал на мою тельняшку.

– Куда отправят. Тельняшка – это так, в ней просто тепло.

Больше вопросов не было. Главный психиатр что-то написал в моей карточке и сказал, чтобы я готовился к выписке.

Выписали меня в тот же день. Первым из всех. Не сказать, чтобы я плясал от счастья, но тем не менее... На душе малость посветлело.

На выходе вернули телефон и документы. Не прощаясь, я покинул это заведение, надеясь не возвращаться сюда никогда. Лес печально посмотрел на меня. Конечно-конечно, – подумал он, – никогда, еще бы... так мы и поверили!..

Я прошел мимо шлагбаума и двинулся по разбитой дороге к остановке.

Электричку на станции пришлось ждать целый час. Я купил себе пива в ларьке. Расположился на скамейке в дальнем конце платформы.

Где-то в тупике за станцией свистел тепловоз. Изредка мимо громыхали составленные из замасленных цистерн и груженных щебнем платформ товарняки. Небо над станцией как-то болезненно ворочалось, склизкое как студень, в серых потеках туч, время от времени брызгая мелким дождиком.

Когда я заходил в наконец-то подошедшую электричку до города, случайно увидел в противоположном конце платформы психолога. Она тоже ехала в город. Немного грустная. Как, впрочем, и все вокруг. Мы все были в тот момент брошенными детьми бескрайней осенней тоски.

На руках у меня была справка, что психически я совершенно здоров и к службе в армии безоговорочно годен. Так-то лучше. Впереди ждал еще один дурдом, но только впереди. А сейчас... сейчас я не думал ни о чем и знать ни о чем не хотел. Я медленно погружался в патоку тягучего спутанного сна.

Танец Погружения

Пространство сжимается, образуя тугой непроницаемый кокон. Потом кокон скручивается и вытесняет из себя воздух, превращаясь в заполненную вакуумом спираль. Отторгаются связи с внешним миром, ты проваливаешься глубоко внутрь себя, становишься затворником прокаженной реальности. Теперь ты нигде и везде одновременно.

Жрецы искажений совершают культовый обряд. Над опустошенными землями пронесется ядерный циклон, повсеместно проходят дожди из мертвых птиц.

Рабы настоящего. Мы здесь. Опустошенные и потерянные. Мечемся на кромке, не в силах решиться: остаться здесь или уйти Туда. Тени неотделимы от своих хозяев. Как и хозяева от своих теней.

Все просто. Жертвы всегда похожи на палачей, а палачи – на своих жертв. И у тех и у других нет выбора. Делай свое дело. Отдай себя во благо завтрашнего дня. Будь убийцей, стань убиенным.

Я покидаю этот мир. На время ли, навсегда ли – не имеет значения. Вдали я вижу город. Город похож на хищную птицу, разметающую по горизонту черные крылья. Пепел. И песок...

Чем сильнее тебя захватывает реальность, тем меньше тебе остается снов. Истина, которая одинаково работает и в обратном порядке. Мы связаны со своими снами так же, как младенцы с божеством. Вифлеемская чума. Античные кошмары. Призрачные фигуры, качающиеся в трансе.

– Иди туда, будь там, отрекись от всех благ лживого мира.

– Живого мира. С Л или без. лЖивого мира.

– Странствуй в кошмарах.

Освой свой путь. Пройди от начала и до конца. Загляни в глаза собственному страху. Мир представляет собой головоломку, которую тебе предстоит разгадать. Начинай! И помни: иллюзии – это только иллюзии, а истина – лишь облако сомнений.

Все, что ты оставил, – ничто. Все, что тебя ждет, – неизвестность. Ты уходишь от погони три дня. Следопыты идут за тобой. Но тебе удастся затеряться на этих мертвых равнинах. Ты входишь в город. Город проглатывает тебя. Ты нужен ему. Он питается такими как ты. Теперь город – часть твоей реальности. Черная нора твоих собственных грез.

– Что привело меня сюда?

– А ты не знаешь?

– Скажи...

Чей-то голос звучит внутри меня... Кому он принадлежит? Чьи голоса звучат тут ночами? Мечутся по улицам подобно душам убитых во сне...

– Что привело меня сюда?

– Ты знаешь сам...

– И все-таки...

– Ты все поймешь... рано или поздно ты поймешь все.

Больше слов нет. Вопросы не имеют ответов. Ответов просто не существует. Время замирает. Умирают звуки. Я слышу только биение своего сердца.

– Пусть будет так.

Возвращение – Песнь 1. Куплет 2

За окном вагона медленно проплывали массивные и надменные сталинские дома, украшенные суровыми барельефами. Электричка маневрировала к Киевскому вокзалу. Народ неспешно собирал свой скарб и тянулся в тамбур. Я потряс головой, разрывая нежную пелену полуденной дремы.

Напротив дремал Паша, я толкнул его. Следуя армейской привычке, Паша проснулся и тут же подобрался – словно и не спал вовсе.

– Приехали, – сказал ему я, – конечная.

– Москва?

– Нет, Нью-Йорк.

Паша выглянул в окно. Электричка в это время остановилась.

– Если жизнь – это поезд, то мы – стук колес. Когда поезд прибывает на конечную станцию, стук прекращается.

– Ты хочешь сказать, что нам конец? Мы умрем?

– Нет, просто наша предыдущая жизнь закончилась; пришла пора начинать новую. А потому предлагаю оторвать наши бранные тела от скамеек, собрать пожитки и двигать из вагона ей навстречу.

На этом разговор был окончен, мы молча встали и пошли на выход. Протиснулись мимо дачников и оказались на платформе. В небе разливалось свой невозможный свет майское солнце.

По платформе валила толпа, гремя тележками с вещами. Многие шли с рюкзаками, с дачным инструментом. Паша выудил сигарету, я протянул ему зажигалку. Здравствуй, столица! Здравствуй моя Свобода, мой призрачный Рай...

Москва. Огромный муравейник, кишачий людьми. Все куда-то спешат. Всем на всех плевать. В том числе и на вас. Москва – один из самых бестактных городов в России. Он нагло вторгается тебе в душу, приватизируя ее без спроса. Этот город пользуется тобой, а потом выбрасывает на помойку. И, тем не менее, мы здесь. Идем по платформе. Улыбаемся солнцу. Мимо спешат люди. И только мы не спешим.

– Надо бы перекусить, – говорю я Паше.

– Ага, – соглашается он, – только мне надо сначала брата встретить.

– А где он?

– Должен скоро подъехать.

– Тогда на вокзале подождем.

Мы вошли в здание Киевского вокзала. Все то же множество и многообразие людей. Очереди у пригородных касс. Сквозь створки массивных дверей видно перрон, откуда мы только что пришли. Хитро ухмыляется зеленой мордой электричка. Вы никогда не замечали, что у наших электричек самый добродушный вид? Чего не скажешь о многих, передвигающихся на них. Ну да ладно.

Пашиного брата мы решили ждать в просторном холле вокзала. Встали у стены и принялись смотреть по сторонам. Круговерть. И ощущение безграничной свободы.

Откуда-то вырулил лейтенант из комендатуры. Направился к нам. Что-то нехорошее зашевелилось у меня внутри.

– Чего стоим? – сходу спросил он.

– Человека ждем, – нехотя ответил я.

– Кто такие?

– Дембеля.

Глаза лейтенанта воровато бегали, как бегали глаза всех, кто сладко обременен пусть мизерной, но властью. Было видно, что так просто он от нас не отделается.

– Пойдемте, – коротко заключил он.

Мы с Пашей нехотя оторвались от стены. Лейтенант мелко засеменил к помещению комендатуры. Принесла же его нелегкая!..

Помещение комендатуры тускло освещала единственная лампочка под потолком. От стен веяло сыростью и запахом плесени.

Первым делом лейтенант придирчиво осмотрел наши сумки, словно что-то в них выискивая. Потом проверил документы. Мне было немного неловко, что я втянул Пашу в это – он-то был по гражданке, на военного здесь походил только я. Именно я. Даже не лейтенант. Этот походил на крысу.

Из соседнего полутемного помещения вышел подполковник – комендант.

– Кого задержал? – спросил он лейтенанта.

Тот подобострастно засуетился.

– Дембеля, товарищ полковник. Пьяные.

Подпол потянул носом:

– Вроде не пахнет. Ну-ка пойдем ко мне.

Они пошли в соседнее помещение. Лейтенант напоследок обернулся и сказал нам:

– Стойте тут и не пытайтесь убежать. Все равно поймает.

Не знаю, о чем они держали там совет, но минуты через две лейтенант вернулся, улыбаясь еще хитрее прежнего.

– Пойдем-ка, – он указал на меня. От этого жеста мне стало еще неприятнее. Ничего, кроме омерзения, этот субъект в форме не вызывал. Паша остался стоять на своем месте.

В соседнем помещении было еще темнее, там стояли кровать и стол, накрытый газетой. Была также дверь, которая вела в следующее помещение, в котором, видимо, скрылся подполковник. На столе были рассыпаны хлебные крошки, лежал кусок сала, и стояла пустая бутылка из-под пива. К столу были приставлены два стула. Лейтенант отодвинул оба, на один сел сам, на второй указал мне. Я сел.

– Ну что, дембель, – обратился он ко мне, – проблемы у вас. И опять мерзко улыбнулся.

– Какие?

– Чем докажешь, что вы не пьяны? Комендант вас не видел, на обеде был. Задержал вас я, право на то имею, потому что помощник. Сейчас и рапорт составлю. А потом вас в карцер на пару суток до выяснения обстоятельств посажу. Вдруг вы дезертиры... Ну а затем назад в часть – для разбирательства... Попали вы в общем...

Это мерзкое существо заерзало на стуле.

– И? – спросил я.

– Что и?

– Как эту ситуацию исправить? – перспектива, описанная лейтенантом, была не то, что неприятна, она была неприемлема. Когда вдохнул воздуха свободы, терять ее уже не хочется.

– Договариваться надо, – лейтенант подмигнул. Я понял, что мы подошли к кульминации разыгранного им подлого спектакля.

– Как?

– Дембельские получили?

– А ты как думаешь?

– Когда это мы на «ты» перешли, товарищ дембель?

– Ну, раз уж за столом переговоров сидим, чего лишние церемонии да любезности разводить?..

Лейтенант махнул рукой, словно отогнал невидимую муху.

– Ладно. Сколько?

– Две.

Он снова заерзал на стуле, потом почесался.

– Тогда пополам. Тысячу мне, тысячу тебе.

– У меня есть выбор?

– Нет.

Выбора действительно не было. Я полез во внутренний карман форменного кителя и достал деньги. Отделил одну тысячную банкноту и протянул лейтенанту. Тот тут же хищно сжал ее своей клешней. Быстро запихал в карман. Криво улыбнулся. У меня возникло стойкое ощущение, что еще чуть-чуть – и меня стошнит.

– А теперь быстренько вставай, бери своего друга – и идите отсюда. С вокзала идите, нечего вам тут глаза мозолить. Патрули ходят.

Ишь ты, какой заботливый нашелся! Только твоей заботы нам и не хватало!..

Я медленно встал со стула и так же медленно пошел прочь из этого мрачного помещения. Чего торопиться-то? И так уже опустили по полной.

– Только без обид, парни, – послышалось мне вслед, – у нас тоже жизнь нелегкая.

«У тебя-то жизнь нелегкая, комендатурская сволочь?», – только и подумал я.

– Дверь сами откроете? Там просто защелку отодвинуть надо. Я потом закрою.

Так я остался без половины денег.

– Пошли, – сказал я Паше, – судмедэкспертиза установила, что мы не пьяные.

Из комендатуры мы вышли мрачные. Только почувствовали свободу – и вот вам. Получите и распишитесь. Я вкратце пересказал Паше наш разговор.

– Слушай, – сказал Паша, – если денег надо, я поделюсь. По моей же вине нас забрали. Моего брата все-таки ждали...

– Брось ты эти глупости, – я сплюнул, – какая вина? Сам виноват, что по форме решил домой ехать, надо было как ты – гражданку покупать. Покрасоваться хотелось... Ладно, в голову не бери – не обеднел же я, в конце-то концов. Обидно просто, что служишь, служишь, землю вперемешку с говном жрешь, а эта скотина себе жопу в комендатуре наедает, еще и обирает тебя потом...

– Так везде.

– Знаю. Потому и обидно. Пошли с этого треклятого вокзала.

Настроение было хуже некуда. Опустили. Самым настоящим образом опустили. Тут уж не до радости, не до смеха.

Мы вышли на привокзальную площадь и встали в самом неприметном углу – от греха подальше. Минут через десять, наконец, подъехал Пашин брат, и мы пошли в находившийся неподалеку Макдональдс. На душе по-прежнему было мерзко.

Потом мы сидели в кафе и жевали свои гамбургеры, запивая их приторной кока-колой. Паша беседовал с братом, а я смотрел в окно. На людей и солнце, на солнце и людей. Сердце сжимала тоска. Мы думали, что мир ждет нас с распростертыми объятьями, а он ждал нас с ножом за спиной.

Доев, я вышел покурить, оставив Пашу с братом наедине. Пусть пообщаются, не буду мешать. Встал у стеклянных дверей Макдональдса, достал сигареты.

Мимо сновали люди. Туда-сюда. Сюда-туда. По часовой стрелке и против часовой. По горизонтали и по вертикали. Везде. Всюду. Мерзкие люди. Или мне только так казалось? Скурив сигарету до самого фильтра, я бросил окурочек на асфальт. Немного отлегло.

Вышли Паша с братом. Стали прощаться. Я пожал руку Пашиному брату, рука была теплой – значит, в ней еще бежала кровь. Этот человек был живым. Как, возможно, и все вокруг. Может, я и неправ. Хотелось бы, чтобы я был неправ. Очень.

Проводив Пашиного брата, мы пошли на привокзальную площадь к фонтану. Расположившись на гранитных ступенях, амфитеатром спускавшихся к чаше, долго молчали и смот-

рели на фонтан. Струя воды вылетала вверх метра на два с половиной, рассыпалась брызгами и падала вниз. Забавно. Словно вся наша жизнь: взлет и падение.

– Как ты? – спросил меня Паша.

– Да, вроде, нормально.

– Точно?

– Ну, осадочек как в том анекдоте, конечно, остался, но это не смертельно.

– Может, все-таки возьмешь денег? Я завтра уже дома буду, они мне там ни к чему.

– Я тоже завтра дома буду. Если не забухаю, конечно, – я улыбнулся, Паша улыбнулся в ответ, – а насчет денег я тебе уже сказал: брось, я не последнее отдал, до дома доехать хватит.

– Ну как знаешь...

– Поехали лучше отсюда. У меня это место изжогу вызывает.

– Куда?

– Да хоть на ВДНХ.

– Поехали.

И мы поехали. Немного поплутали в паутине московской подземки, но, так или иначе, добрались до станции ВДНХ без потерь. Пока ехали в метро, настроение мое немного улучшилось. В общем-то, жизнь – забавная штука, вроде колоды карт – никогда не знаешь, какую вытянешь. Сегодня на руках тузы, а завтра – шестерки, «на погоны». Кто знает, что нас ждет там впереди?

Когда поднялись наверх, день потихоньку начинал клониться к вечеру. Весенние вечера длинные, но подкрадываются незаметно. Мы перешли дорогу, и пошли вдоль забора выставочного центра.

За забором взмывала в небо серебристая сигара-ракета; теснились, наползая друг на друга, футуристические павильоны, созданные в эпоху преклонения перед покорителями Космоса. Это сейчас Космос – обыденность, словно магазин на соседней улице, но каких-нибудь тридцать-сорок лет назад он был для людей чем-то далеким и возвышенным, чем-то непонятым, таинственным и даже пугающим. Не зря первый космонавт – Юрий Гагарин заслуженно был народным любимцем.

Однако для времени нет авторитетов, и теперь даже Космос не вызывает того благоговения, которое вызывают, например, деньги. Человек приземлен. С развитием цивилизации он не только не возвышается, но, наоборот, все более пригибается к земле, как его древние прародители...

– Сейчас пивка бы... – прервал мои мысли Паша. Я мгновенно вернулся из Космоса на землю и понял, что тоже хочу пива. Воистину человек приземлен.

– Да, не мешало бы. Только пойдем отсюда, с глаз. Выпьем где-нибудь во дворах. Не хочется на «губу» загреметь на дембель-то.

– Пойдем, конечно.

Мы пошли по проспекту вдоль парка, разбитого вокруг выставочного центра, потом свернули на одну из ответвляющихся от него улиц. Слева от нас высилась эстакада монорельсовой железной дороги, изредка по ней шелестели поезда. Поезда, поезда, как говорится – самые поездатые в мире.

– Что молчишь? – спросил я Пашу.

– А чего говорить-то? – ответил он вопросом на вопрос.

– Ну что-нибудь...

– Что-нибудь я не могу.

Помолчали.

– Что на гражданке-то делать собираешься? – спустя некоторое время спросил я Пашу снова.

– Сейчас в Брянск, на полтора месяца, потом назад в Москву, в МГУ поступать. В Питер к тебе, конечно, заеду...

– В МГУ?

– Ну да.

– Ты уже точно решил?

– Точнее не бывает.

– Тогда за это обязательно надо выпить пива!

Пива мы купили в магазине через квартал, я взял еще пачку сигарет. Пить пошли в близлежащий двор, там встали за какими-то гаражами. Открыли бутылки моей зажигалкой.

– Давай, за МГУ...

– И за дембель.

– И за дембель!

Звонко стукнулись друг о друга две бутылки. Выпили. Пиво было вкусным – таким вкусным бывает только все новое либо очень хорошо позабытое старое.

– Ух! – только и сказал Паша.

– И не говори.

Тишина, изредка разрываемая шелестом поезда по монорельсу, запах весны, ощущение свободы – такое бывает лишь раз в жизни. Дембель, одним словом.

– А ты что собираешься делать? – спросил меня Паша.

– Я? – я прикинул, какие перспективы ждут меня на гражданке, – ну сначала, наверное, бухать-отдыхать, а потом восстанавливаться буду в университете.

– На юридический?

– Не знаю. Не тянет меня на юридический. На философский хочу.

Мы глотнули еще пива. Закурили.

– И кем будешь? – Паша выпустил струю сизого дыма.

– Кем-кем, философом!

Мы засмеялись. Все в этом мире условно: выбираешь одну профессию, а жизнь направляет тебя совершенно другой стезей, разве тут можно загадывать? Почти как в анекдоте: делали ученые холодильник, а получилась ракетная установка. Отклонения вероятны, возможны, и даже нужны – без них мир становится скучным.

– У тебя пива много осталось? – спросил я друга минут через пять.

– Да не очень.

– Допивай тогда, пойдем – еще возьмем.

– Что-то ты разошелся...

– А чего мне терять-то? Годы жизни, подаренные родной армии, уже не вернешь.

Мы с Пашей допили пиво, и пошли до магазина – повторить. На этот раз взяли сразу по две бутылки – чтобы не пришлось ходить в третий раз. Пили на том же самом месте, за гаражами. Почти молча. Все, что нам надо было друг другу сказать, мы уже сказали.

Солнце закатилось за дома, разлив напоследок лужи алого света. Майский вечер был в самом разгаре, теплый и розовый – как в старой песне. Эх, армия... Если бы не ты – кто знает, что бы было... Слишком много вариантов, слишком мало вариантов...

– В МГУ на какой факультет будешь поступать?

– Да все так же на биологический.

– Жуков и бабочек изучать?

– И их тоже.

Разговоры... На самом деле, как бы нам не казалось, будто за воротами КПП что-то изменится, не изменилось ровным счетом ничего. Вот мы, вот этот город, Москва, вот дома, вот люди... Вот пиво у нас в руках, сигареты. А больше ничего. Совсем. И поговорить даже

не о чем, потому что все давно уже сказано. Никогда не ждите ничего нового, ступая на старую землю.

– Ладно, пойдем, – сказал Паша, когда мы почти допили пиво, – у меня поезд через час.

Я посмотрел на часы. Половина девятого. У Паши поезд в полдесятого. У меня в час ночи. Дела. Мне предстояло провести в одиночестве целых четыре часа. В чужом городе. В чужом холодном и равнодушном городе.

– Пойдем, – смирился я, хотя после выпитого хотелось продолжить.

И мы пошли. Той же самой дорогой вернулись к метро. Посетили биотуалет, причем бабулька-билетерша даже не стала брать с нас денег, сказав, что для военных у нее вход бесплатный. Хоть это порадовало. Хоть кто-то в этом городе не пытался нажиться на других.

В метро проехали несколько станций и пересели на кольцевую ветку. Народу вечером прибавилось: люди возвращались с работы. А мы возвращались домой. Мысли в голове витали светлые и немного спутанные. Так всегда бывает, когда возвращаешься домой.

Вскоре пришло время прощаться. Я выбрался с другом на платформу. Постояли. Помолчали, разглядывая друг друга. Паша посмотрел на часы.

– Пора? – спросил его я.

– Да надо бы двигаться...

– Ну, давай тогда, – я протянул ему руку.

– Давай, – Паша сжал мою ладонь, – через месяц постараюсь выбраться в Питер... перед поступлением как раз...

– Там и увидимся.

Мы обнялись. Паша исчез в толпе. Наши дороги разошлись.

Ну что ж, пора и мне ехать на вокзал. Искать свою дорогу дальше. К своей далекой звезде, с теплым попутным ветром и вязкой тишиной русских равнин. Либо по встречной полосе на предельной скорости, навстречу приближающемуся из темноты грузовику – как знать.

Танец Ночных шорохов

Ты ложишься на дно здесь. Город представляет собой храм в виде лабиринта. От дальнего круга к центру – алтарю в виде Зиккурата – ползут, червивятся улицы. Шипят.

Город наполнен шумом. Ветер гуляет по задворкам его обмершего нутра. Сожженное в собственном костре время. Время-ведьма.

– Раны от ударов кривым ятаганом, чей клинок пропитан курарой, смертельны.

– Ага. Смерть – лучшее из проявлений гуманизма.

Где-то за домами дымит крематорий. Черный дым наполнен криками испепеленных тел. Шорохами плутающих душ. Всюду эти шорохи.

Я продолжаю вести диалог со своим незримым собеседником:

– По ночам я вижу странные сны.

– Наши сны – это капля ванили в загустевшем соке отравленных растений реальности.

– Шорохи...

Звуки застывают в расплавленном воздухе. Песни ушедших героев выются в белесом мареве. Город полон убийц. Город населен убийцами. Они стреляют в спину собственным мечтам.

– Один парень, он без глаза, глаз ему выбили камнем в детстве, он торгует порошком иллюзий. Он инкрустирует настоящее жемчугом грез.

– Все иллюзорно. Отклонения, которые раскраивают черепа зачарованных фантазий. Ты это уже где-то видел, наверняка видел. Настоящее – короткий путь в никуда.

– Кроткий.

– Кроткий путь кротких огородных пугал.

В той жизни осталось все. И не осталось ничего. В растворенном во мне бессилии рождаются мыльные пузыри удушающей грусти. Баллады кладбищенских привратников. Шорохи рассыпанных по заброшенным домам палых листьев. Смотри туда, внутрь, слушай их.

– Никогда ни к кому и ни к чему не привязывайся. Привязанность – то же безразличие, только много хуже. Это яд змей с обреченных планет.

– Чужеродных галактик.

– И того, и другого. Любые боги рано или поздно умирают.

Боги уже мертвы. Убийцы плетут веревки для ночных удавок – из собственной крови и семени. Исполинские статуи громоздятся на площадях. Беглые рабы выжигают хозяйские клейма серной кислотой. Сводят начисто. Остаются лишь подкожные шорохи.

Варна кшатриев занимает черные кварталы. Там знают о смерти не понаслышке. Одного парня забили камнями за то, что он онанировал перед статуей неведомого божества. Все просто. Летаргия помыслов.

– Летаргия духа.

– Летаргия духа порождает непроницаемую тьму дней.

Это последнее воззвание Каина. Это его город. Он смотрит пристально ему в душу. Душу, полную мрака. Кто он такой? Зачем он здесь? Тихие шорохи. Еле различимые.

– Я не знаю. Но если я здесь, значит, Там – уже кончено.

Возвращение – Песнь 1. Куплет 3

Я приехал на Ленинградский вокзал в начале одиннадцатого вечера и сразу взял билет. Паша, наверное, уже трясся в брянском поезде. Я мысленно пожелал ему счастливого пути. До моего поезда оставалось еще более двух часов.

Немного побродив по площади трех вокзалов, среди карманников, торгашей и вонючих оборванцев, я решил отправиться в зал ожидания и скоротать время там. На вокзале встретил патруль, но на этот раз все окончилось благополучно. Скользнув глазами по моему военному билету, капитан – начальник патруля – отдал честь и пожелал хорошей дороги. Я поблагодарил его и поспешил скорее с глаз долой. Патруль пошел дальше.

Зал ожидания находился на втором этаже, я поднялся по лестнице и прошел в просторное помещение, заставленное скамейками, на которых сидели или лежали люди. Кто-то разговаривал, кто-то спал. В проходах стояли их сумки и тележки.

Странное место вокзалы – почему-то они напоминают мне всю мою страну: такие же неустроенные и неуютные, словно всем своим существом призванные символизировать дорогу, беспокойное сидение на сумках, нервы и тягостное ожидание. В России все мы непрерывно находимся в пути – от одной точки к другой, всюду мы чужие, будто провинциалы, заброшенные нелегкой в суматошную столицу.

Я сел на скамейку в дальнем конце зала. Справа находилось что-то вроде закуской, там тянули пиво несколько одиноких пассажиров, ждущих поезда, и негромко играла музыка. Я достал мобильный телефон, набрал питерских друзей – предупредить о своем приезде.

Окончив разговор, убрал мобильник назад в карман и закрыл глаза, меня клонило в сон. Но спать было нельзя, потому что тогда я рисковал проспять поезд. Поэтому я просто отключился по армейской привычке, расслабился, бодрствуя, словно компьютер, переведенный в ждущий режим.

В армии я служил радистом, в связи с чем мне часто приходилось сидеть на одном месте вот так: отключившись, одев наушники и слушая белый шум эфира, до очередного выхода на связь. Армия вообще хорошо учит правильно расходовать энергию: забирая всю ее без остатка, она заставляет тебя использовать любое время отдыха по максимуму, при этом в любой ситуации оставаясь готовым сорваться и выполнять поставленную задачу.

Так я просидел с полчаса. В сознании мелькали цветные картинки, разрозненные образы – из прошлого и настоящего, сумбурно смешавшиеся в моей голове; зал вокруг меня переговаривался, гудел десятками голосов, изредка оглашался сообщениями диктора, объявлявшего прибытие или отправление поездов.

Наконец я открыл глаза. Часы на дальней стене мерцали красными цифрами, показывая без двух минут одиннадцать вечера. Все равно еще слишком много времени до поезда. Я решил спуститься на перрон и перекурить.

Подходы к перронам были забиты людьми, на путях стояли поезда, глядя грустными глазами в стеклянные витрины вокзала. Мимо гремели тележками и тащили сумки. Кто-то с кем-то прощался, кто-то кого-то приветствовал; все это вихрем кружилось вокруг меня, пока я втягивал клубы сизого сигаретного дыма. Молодые и старики, военные и гражданские... весь мир, сжатый до размеров одного вокзала – квинтэссенция бытия – в котором всегда есть точка отправления и точка прибытия... и никаких шансов на возврат.

Докурив, я вернулся в зал ожидания. Народу прибавилось. Недалеко от скамейки, на которой до этого сидел я, расположилась группа дембелей – в беретах, новых «комках», расшитых аксельбантами, звенящих металлом разноцветных значков, сверкающих золотом эмблем на петлицах.

Эти, судя по эмблемам, были инженерами, ну или строителями, потому как легендарный стройбат в нашей армии тоже относится к инженерным войскам. Я сел на свою скамейку – ее за время моего отсутствия так никто и не занял.

Дембеля пили пиво и о чем-то оживленно переговаривались. Я снова попытался отключиться. Закрыв глаза и откинувшись на спинку скамейки, вслушиваясь в окружающие меня звуки. Монотонно гудел вокзал, сновали и переговаривались люди, шуршали сумками и чемоданами – обычная какофония многолюдных мест. Медленно тянулось время...

...Заснуть не получилось, я открыл глаза. Ко мне приближался один из дембелей. Чего ему еще?

– Здорово, брат, – с ходу начал дембель, приблизившись ко мне, – домой?

Я потянулся и посмотрел на часы: около двенадцати. Потом перевел взгляд на своего неожиданного собеседника:

– Да, домой.

– Дембель?

– А как же!

– Тогда давай к нам! – он показал на свою компанию, – Мы тоже на дембель.

Общаться особо не хотелось, но тут уже и остальные дембеля потянулись к моей скамейке. Отговориться не получалось.

– Здорово, – с ходу начали подошедшие бойцы, – на дембель?

– На дембель, на дембель, – ответил за меня их товарищ, который подошел первым, – наш человек! Он повернулся ко мне, – кстати, меня Вовчиком зовут.

Я представился и пожал протянутую ладонь.

Потом процедура повторилась в отношении остальных дембелей. Саня, Киря, Миха, Артем...

– А мы смотрим – один сидишь, все гадали: дембель – не дембель, потом решили подойти. Ты куда едешь?

– В Питер.

– А мы в Мурманск. У нас поезд через сорок минут. Выпьешь с нами?

От предложенной выпивки я не отказался, да парни мне и не дали бы. Дембель – святое. Я выпил пива. Разговорились.

– А нас, прикинь, всех в один день призвали и в одну часть отправили, под Нижний, в стройбат. В один день и дембельнулись.

– Везет вам...

– А ты чего один? У вас что, питерских не служило?

– Служили. Но они либо раньше уехали, либо еще в части, ждут своего часа.

– Ага, понятно. А у нас все – лафа, гуляем!..

Потом мы ходили курить и взяли еще пива. Время ускорило, я больше не скучал – мурманские дембеля оказались веселыми и, в общем-то, хорошими ребятами.

– А ты где служил?

– Радистом в саперном батальоне танковой дивизии.

– Чего-то у тебя сложно все...

– Как уж определили.

– А нас всех – прямиком в стройбат. Всю службу генералам дачи строили.

– Бывает...

– Главное, что проходит.

– Это точно!

За разговорами и выпивкой сорок минут пролетели незаметно. Парни начали собираться. Я спустился с ними на перрон.

– Ну, давай, брат, удачно тебе доехать, – прощались со мной новые знакомые.

- И вам, пацаны. Много не пейте.
- Много не будем! Мало тоже! Дембель!
- Ага.

Мы распрощались. Мурманские сели на поезд, и через пять минут он отошел. Я посмотрел на часы: до моего поезда оставалось чуть больше получаса. Возвращаться в зал ожидания не стал, остался на перроне. Взял себе еще пива.

Один за другим от перрона отчаливали поезда, оглашая вокзал прощальными гудками. Мимо по-прежнему сновали люди, тени, их чемоданы и сумки. Я купил сборник анекдотов, пробежал его глазами под фонарем, пока не наскучило. Понаблюдал за людьми. Допил пиво.

Полчаса пролетели незаметно. Мой поезд подали к перрону. Я выбросил журнал с анекдотами в урну, купил себе еще одну бутылку пива и пошел искать свой вагон. Сзади остался страдающий вечной бессонницей вокзал.

Вагон нашел быстро – он был в хвосте поезда, то есть близко к началу перрона. Показал билет проводнику и прошествовал в полутемный плацкарт. Впереди меня шевелились мои невольные попутчики, медленно ползущие по проходу; те из них, чьи места оказались ближе к входу, уже раскладывали вещи. Я отыскал свое место – нижняя полка сбоку в середине вагона. Закинул сумку на самый верх и сел. Перевел дух.

Полумрак вагона, шевеление движущихся людей, свет фонарей, разлитый по перрону за окном, другой поезд, замерший на путях по ту сторону платформы. Я снял китель и повесил его на вешалку, фуражку убрал на верхнюю полку, к сумке. Поставил на столик бутылку пива. Посмотрел на нее. Вдохнул. И вышел подышать на перрон, время до отправления еще оставалось.

Пахло особым вокзальным духом: углем, резиной, чем-то еще. Мимо продолжали сновать люди. Я стоял и смотрел в небольшую лужицу под ногами. Голова была тяжелой от усталости: сказывалась прошлая ночь с проводами в части и, как следствие, коротким сном, да и сегодняшний бурный день наложил свой отпечаток. Выпью пиво и буду спать – решил я.

С этими мыслями вернулся в вагон. До отправления оставалось минут пять.

Пока меня не было, соседнее место заняла молодая девушка, лет восемнадцати-девятнадцати. Довольно милая на вид. Расположившись, она теперь смотрела в окно. Оставленная мной бутылка пива роняла блики от фонарного света, заползавшего сквозь стекло, на поверхность стола. Мне стало как-то неловко за нее, за эту бутылку пива.

– Здравствуйте, – сказал я девушке, усаживаясь на свое место.

– Здравствуйте, – тихо ответила она и продолжила смотреть в окно.

Я поймал себя на том, что немного сконфужен. С чего бы вдруг? Мне стало еще более неловко. Отвык в армии от женского общества, отвык. Я поспешно придвинул бутылку с середины стола к себе и тут же открыл. Девушка бросила на меня короткий взгляд и сразу же снова отвернулась к окну. Я сделал большой глоток.

Поезд тронулся. Вагон нервно рванулся с места, качнулся, и перрон в окне пополз прочь. До свиданья, Москва, до свиданья! Я еду домой!

Минут через пять по вагону пошла проводница – проверять билеты. Я достал свой из кармана кителя и положил на край стола. Проводница подошла, быстро взглянула в него, затем в билет моей соседки и двинулась дальше. Я глотнул пива. За окном неслись заборы, депо, промышленные площадки с угрюмыми зданиями спящих цехов, скрюченными силуэтами подъемных кранов и дымящими сигарами труб. Вдалеке мелькали высотки спящих микрорайонов. Где-то в сумраке проплыла подсвеченная снизу прожекторами Останкинская телебашня.

Я взглянул на соседку: она убрала свой билет в сумку и достала оттуда книжку, название я не разглядел. Видимо, пока спать не собиралась. Я решил сходить в тамбур перекурить.

В тамбуре стоял худой мужик в вязаном свитере и дымил папиросой «Беломора». Увидев, что я достаю сигарету, молча протянул мне зажигалку. Я прикурил и кивнул ему в знак благодарности.

- На побывку? – спросил мужик.
- Насовсем. Дембель.
- Ну, поздравляю тогда, молодец!
- Спасибо.

Мужик докурил, потушил окурок в пепельнице, прилаженной к стене, и ушел в вагон. Я встал лицом к наружной двери и попытался разглядеть, что творится за маленьким замызганным стеклом. Но, к сожалению, ничего толком не увидел: снаружи царила тьма, лишь изредка разрываемая светом фонарей. Поезд выехал из столицы и разрезал пространство спящих пригородов.

Я выкурил сигарету, постоял минут пять, допивая пиво, потом выкурил еще одну. За окном промелькнула река, отражающая блеклые ночные огни, очередной подмосковный город, и мы понеслись дальше к северу. Домой.

Возвращаясь из тамбура, я выкинул пустую бутылку в мусоросборник и посетил туалет – его, наконец, открыли. Потом вернулся на свое место.

Моя соседка все так же читала книгу, как и пятнадцать минут назад. Увидев меня, она оторвалась от книги и спросила:

- Вы спать еще не собираетесь ложиться?

Спать вообще хотелось, но я еще не собрался. Да и просьба девушки мне была понятна: ее место было на верхней полке – если бы я собрался спать, ей бы тоже пришлось ложиться. Поэтому я ответил:

- Пока нет.
- Я тогда посижу, почитаю? – спросила она.
- Да, конечно. Вообще если хотите, я могу уступить вам нижнюю полку, мне все равно,

где спать.

- Вы серьезно?
- Абсолютно.
- Ой, спасибо большое! – Она улыбнулась.
- Пожалуйста.

Мимо пронеслась какая-то маленькая пустынная станция, освещенная несколькими фонарями. В их смутных отблесках, светомузыкой проскакавших по нашему вагону, я смог разглядеть свою соседку лучше.

Симпатичное, немного детское лицо. Рыжие волосы и зеленоватые глаза. Небольшой носик и пухлые губки. Она мне понравилась.

- Интересная книга? – спросил ее я.
- Да, интересная.
- А о чем?
- Ну как вам сказать... – она улыбнулась, – обо всем.
- Понятно, – улыбнулся и я.

Свет в вагоне притушили до минимума, большинство пассажиров уже легли спать. Кругом царил полумрак, лишь изредка прорезаемый сполохами пролетающих мимо окон фонарей. Интересно, в такой темноте действительно можно читать?

- А вы военный? – спросила меня соседка спустя некоторое время.
- Теперь уже нет, я домой еду – на дембель.
- В Петербург?
- Да. А вы?
- Я тоже в Петербург. Кстати, давайте на «ты».

– Давайте. Точнее, давай.

Она негромко рассмеялась.

– Меня Женей зовут. – И она протянула ко мне через стол свою небольшую ручку.

Представившись, я легонько пожал ее влажные теплые пальцы. Вечер, а точнее ночь, знакомств продолжалась.

Мимо прошла проводница. Стукнула дверь в конце вагона.

– А ты тоже домой едешь? – спросил я свою новую знакомую.

– Нет, в гости. К бывшему однокласснику. Я в Москве учусь.

– Понятно. И на кого учишься?

– На журналиста.

– Интересная, должно быть, профессия.

Она легонько улыбнулась.

– По-разному. Но мне пока нравится.

На сей раз улыбнулся я:

– Почему пока?

– Ну, кто же знает, что будет через год или два, я ведь только на втором курсе учусь...

– Думаешь, что разочаруешься?

– Не знаю, все может быть. А ты кто по специальности?

– Свободный художник.

– В смысле?

– Ну, как-то так. Учился на юридическом, но понял, что не мое. Разочаровался, как ты говоришь. Зато в армии пригодился. Теперь вот думаю: кем дальше быть. Может, на философский пойду.

Проводница снова прошептала мимо нас – на сей раз в обратном направлении, к себе в купе.

– Чего не спите? – походя, спросила она.

– Не хочется, – ответил я за нас обоих.

Проводница не произнесла больше ни слова и молча удалилась.

– А почему на философский? – спросила Женя.

– Не знаю, хочется.

– И кем будешь?

– Философом, – улыбнулся я.

Мы помолчали. Я решил снова сходить перекурить.

– Я пойду покурю, хорошо? Если хочешь, можешь ложиться спать.

– Я не хочу.

– Ладно, как знаешь.

Я стоял и курил в тамбуре, в мутном стекле на двери вагона плясали блеклые пятна фонарей, один раз проскочил встречный поезд. Мелькали километровые столбики, ведя свой нескончаемый счет, ползли минуты, часы... я приближался к дому.

Вышел заспанный мужик и тоже закурил.

– Не спится? – спросил он.

– Нет, – ответил я, потушил окурок в пепельнице и вернулся в вагон.

Женя смотрела в окно. Вокруг сопели и ворочались люди. В вагоне было душно.

– Странно, – сказала Женя.

– Что странно?

– Что ты хочешь быть философом.

– Почему?

– Не знаю. В наше практичное время люди хотят быть политиками, экономистами, юристами в конце концов... А ты вот – философом.

- Наверное, я странный.
- Наверное. Странный сосед по вагону, уступивший свое место...
- ... Который вдобавок еще и лишает тебя сна.
- Скорее уж я тебя его лишаю.
- Мы засмеялись.
- Тише вы, – цыкнула проводница из открытой двери своего купе.
- Хорошо-хорошо, – поспешил успокоить ее я. – У вас кофе есть?..

Потом мы пили кофе и болтали. Улыбались друг другу. Придумывали названия безвестным поселкам, внезапно возникавшим из ночной мглы в окне и так же внезапно исчезающим.

– Я хочу изучать жизнь, потому что интереснее нее в этом мире ничего нет. Деньги, политика, законы – это все производные, – говорил я, – в основе же лежат неколебимые глыбы бытия, его первостепенные принципы. Человеческие взаимоотношения, отношения человека с внешним и собственным внутренним миром. На этом базисе строится все остальное.

– Но кто-то ведь должен делать обыкновенные практичные вещи, – улыбалась Женья, – не всем же заниматься осмыслением глобальных проблем.

– Не всем, а только таким странным попутчикам, как я...

И мы снова болтали, болтали, болтали. Ночь сходила на нет, уступая место блеклому чухонскому утру. Мы приближались к Петербургу.

За окном мелькали поймы рек в утреннем тумане, зеленые перелески, поля, медленно просыпающиеся русские деревеньки. Покосившиеся дома, силосные башни, пустующие фермы. На пронесившихся мимо платформах появлялись первые люди, ждущие утренних электричек.

– Скоро будем дома, – сказал я.

– Кто-то дома, а кто-то в гостях, – поправила меня Женья.

– Ну да. Ты права. Никогда не думала перебраться в Питер?

– Не знаю. Вообще мне нравится ваш город: он более уютный и душевный, чем Москва. Живой какой-то что ли... Архитектура эта старинная, атмосфера набережных, дворов-колодцев... И люди – совсем другие люди, приветливые и отзывчивые...

– Ну и?..

– Для начала надо институт закончить, – она улыбнулась, – а потом можно будет думать и о переезде.

Я ходил еще раз на перекур. Потом зашел в туалет и умылся, пока не образовалась очередь из начинавших просыпаться пассажиров вагона. Вернулся на свое место. Женья пила кофе.

– Я сдала белье, – сказала она, – ничего? Ты спать не собираешься?

– Нет, – я посмотрел на часы, – через два часа уже приедем.

– Я так и подумала.

Следуя примеру моей попутчицы, я ходил и взял у проводницы кофе. Наполнил стакан из бачка с кипятком напротив ее купе.

– Только закипел, – сказала мне проводница.

– Ага. Хорошо.

Проводница пошла по вагону будить пассажиров. Я двинулся следом за ней к своему месту, где оставил новую знакомую.

– А в армии вообще как было? – спросила меня Женья.

– По-разному там было, трудно сказать.

– Не жалеешь, что пошел?

– Я вообще никогда ни о чем не жалею. Наша жизнь – это захватывающий спектакль, где нам отведено такое количество ролей, которое никогда не сможет сыграть ни один професси-

ональный актер. Если специально играть, конечно. А так – в процессе взаимодействия с окружающей реальностью каждый из нас раскрывает свой артистический талант... так что пусть этот спектакль длится и дальше, предлагая нам все новые и новые пути развития сюжета. Нам не о чем жалеть, потому что в конце всех нас ждет непременная овация! Я не жалею о прошлом, я предпочитаю настоящее.

– Понятно. Ты действительно философ! Но это все-таки время...

– Никогда не жалею о времени, ведь само время нас не жалеет. И потом – я приобрел колоссальный жизненный опыт. Я ведь не в восемнадцать лет пошел, как большинство, когда вообще ничего не смыслишь в жизни. Я увидел людей, совсем других людей, не тех, которых знал. Люди в экстремальных условиях ведут себя иначе, нежели в обыденной жизни. Они становятся теми, кто есть на самом деле. Подлецы – подлецами, хорошие люди – хорошими людьми. Вот поэтому все это не зря...

– Философски.

– А как же.

Я глотнул кофе.

– Мы во сколько прибываем? – спросила Женя.

– В начале десятого.

– Знаешь, странно как-то. Я ведь вообще могла в Питер не поехать, билет взяла за час до поезда – и то сомневалась, хочу ли ехать. А вот взяла – и с тобой познакомилась.

– Видишь, я ж говорю: никогда ни о чем не жалею.

– Наверное, ты прав.

– Давай я тебе экспромт прочитаю. Стихотворение.

– Ты стихи пишешь?

– Немного. На самом деле это я сочинил, когда в последний раз ходил курить в тамбур. Там, знаешь ли, особая атмосфера, поэтическая.

– Читай тогда скорее!

– Итак:

*Этой встречи могло не случиться
В пене дней, так похожих на бред:
Я мог бы просто напиться,
Ты могла бы не взять билет.
Мне б тогда не увидеть улыбки,
Озарившей грешный мой путь,
Ведь жестокой судьбы ошибка
Могла разом все перечеркнуть.
Слава богу, все стало, как стало, —
Словно в старой сказке точь-в-точь;
Жаль одного – слишком мало
Длилась эта в поезде ночь...*

– Ты сейчас это сочинил, правда?

– Правда.

– Классно!

– Ну, как умею...

– Нет, правда, замечательно. И так в тему. Даже про билет.

– Я не волшебник, я только учусь.

Мы посмеялись. Потом Женя пошла умываться. А я в очередной раз (какой – сотый? тысячный?) пошел курить. Мы приближались к конечной точке нашего маршрута. Последний бросок до дома...

... – Действительно, жаль, что так мало длилась эта ночь в поезде, – грустно улыбнулась Женя, когда вернулась, – только познакомились и уже надо расставаться.

– Что поделаешь. Это спектакль – жизнь, и такие у нас в нем роли. Но, раз случилось так неожиданно познакомиться, можно это знакомство и продолжить. Ты как считаешь?

– Я только за!

– Тогда нам необходимо обменяться номерами телефонов и при первой же возможности встретиться!

– Так и поступим.

Мы обменялись контактами и договорились обязательно встретиться. Если я буду в Москве – звоню ей, если она в Питере – звонит мне.

– Ну, вот и замечательно.

– Да!

А наш поезд, между тем, въезжал в Петербург. Потянулись угрюмые пакгаузы Ижорских заводов, мрачные заборы Металлостроя, поезд сбавил ход. Пассажиры на соседних местах собирали вещи. Кто-то ругался на непослушного ребенка в конце вагона.

– Тебя будут встречать? – спросил я Женю.

– Вряд ли. Не люблю, когда меня встречают, сама до места доберусь.

– А меня, наверное, будут.

– Друзья?

– Да.

– Понятно, – в ее голосе скользнула едва заметная грусть.

По вагону прошла проводница:

– Через десять минут прибываем!

Мы стали собираться. Я достал свою сумку и одел китель, фуражку оставил в руках. Люди потихоньку покидали свои места.

– Ну что, пойдем?

– Пойдем.

Мы стали двигаться по проходу в сторону тамбура.

– Не торопитесь, – кричала проводница, – все успеют выйти.

Поезд въезжал на Московский вокзал, маневрируя по путям. Мимо поплыл перрон, на котором толпились встречающие.

– Вот и приехали, – сказал я вслух.

– Да. А ты совсем не поспал.

– Я-то что... Вот тебе не дал...

– Я еще успею, – улыбнулась Женя.

Наконец поезд остановился. Проводница открыла дверь вагона. Пассажиры потянулись на выход.

Я вышел первым и подал Жене руку. Она легонько спрыгнула на платформу.

– Давай теперь прощаться, – улыбнулась она.

– Давай.

– Ну пока!

– Пока. Я тебе позвоню.

– Хорошо. Обязательно позвони.

И она пошла прочь. Я остался стоять.

Сквозь толпу увидел приближающихся друзей: они меня узнали и двигались ко мне, широко улыбаясь и приветственно махая руками. Я же провожал взглядом свою новую знакомую, она лавировала в толпе, постепенно удаляясь. Внезапно остановилась, обернулась и, найдя меня глазами, улыбнулась. Потом пошла прочь, уже не оборачиваясь. Улыбнулся и я.

*Помню, мне так хотелось остаться
Где-то рядом с тобой... навсегда...
А мимо мелькали станции,
Мимо неслись города.
Мы знали: пусты обещанья,
Меня ждали дела, тебя – старый друг,
И впереди как синоним прощанья
Из болот выползал Петербург.
Рассекая реальность перроном
На до и после этих коротких часов,
Когда в душной утробе вагона
Мы лишали друг друга снов.
Не забыть улыбки мне девичьей
И двух глаз зеленых огней,
Но как в песне у Макаревича
Каждый пошел своею дорогой, а поезд – своей.*

Я почти закончил родившееся где-то внутри стихотворение. Строки, запечатлевшие еще один виток сюжета в этом спектакле под названием «Жизнь». В спектакле, где нам уготованы подчас совершенно неожиданные роли. Пусть все так и будет. Эта песнь спета, но сколько их еще впереди?

Я пошел навстречу друзьям.

Танец Одинокого певца

Так бывает. И даже часто. Тебе просто становится противно – и все. Быть статистом легко, но неинтересно. Дорога героя – другая. Это прыжок в пропасть без парашюта. Ты знаешь, что разобьешься, знаешь, что назад пути уже нет. Ты будешь терзаться, плакать ночами, кусать локти, но все кончено. И тогда тебе становится противно.

Это гадкое чувство – когда что-то ноет внутри. Словно какая-то деталь сложного механизма под названием Ты, какая-то совершенно мелкая шестеренка разболталась и начинает дребезжать, задевая сотни других. В такие минуты, часы, дни и месяцы трудно писать. По крайней мере, стихи. Стихи выходят сырые и серые, словно похмельная блевотина. Их совершенно невозможно читать.

Эти стихи необходимо сжечь. Как, впрочем, и все другие. Стихи... Не много ли надежд мы вкладываем в покойника? Этому парню каюк. И он в отличие от нас это хорошо понимает.

Хотя две или даже три женщины в моей жизни отдались мне за мои стихи. Пожалуй, так можно сказать. Они были безумны. Стихи и безумие – это разные грани одного целого. Даже, правильнее, – это и есть одно целое. Безумие обреченного на смерть героя, вакхическая пляска сумасбродного сатира.

Реальность и сны переплетаются. Ты видишь город убийц – город, устроенный по принципу храма, город, по сути, и являющийся храмом, храмом Смерти – и вот он здесь, в твоём померкшем существовании, в истощном настоящем, на бумаге, в этих наползающих друг на друга строках.

Большинство людей не пишут стихи. Большинство людей не пьют и не употребляют наркотики. Большинство людей рожают детей, берут кредиты, покупают автомобили и квартиры. Для них это – единственно возможный способ существования и образ действительности. Для них это естественно. Одинокие герои должны нести свои песни сами. Нести в себе.

Ты не выбираешь это. Это само выбирает тебя. Ищи новую дорогу в поисках новой судьбы. Но все дороги ведут туда – в город вероломных убийц. На судилище собственных иллюзий. Маленький принц, ты отвергнут ими, но нужны ли они тебе?

Большинство людей не пишут стихи. Большинство людей живут там, в городе-храме. И ты бродишь меж них чумной тенью, гангреной пятизвездочного существования.

Возьми себя в руки – вот и все, что они могут тебе сказать. То есть стань таким, как мы. Смирись. И тебе больше не будет противно. Ты не будешь ковыряться в себе ланцетами страха, боли и пустоты. Только стань.

Но Рубикон уже пройден. Ты идешь дальше, ты движешься в царство теней. Один. Кристаллический. Чистый. Как соль на рубашке флибустьера. И ты обречен проживать все это. Снова и снова. Приближаться к черте и бежать от нее. Смотреть в глаза собственному леденящему душу страху. Понимать, что, хотя ты и мертв, но – как это не парадоксально – ты жив. Просто ты с другой стороны зеркала. Смотришь и ухмыляешься. Изучаешь язык птиц.

Харакири цветных стекляшек-дней. Убаюкивающая песня бессмысленности. И твое личное Знание. Там, среди терновника и всеми забытых античных статуй, ты находишь свой запретный плод. И тогда, пересилив себя, собрав всю волю в кулак, ты шепчешь:

– Приди, облаченная в пурпур, приди...

И слышишь свое дыхание.

Передышка – Песнь 2. Куплет 1

Многие считают, что можно начать жизнь с чистого листа. Говорю вам: не стоит даже пытаться. Это все равно, что идти на убой, напялив на себя предварительно купленный шикарный костюм. Объективно от вашего нового имиджа бойня не изменится, стоит это признать.

А мы живем в условиях, приближенных к бойне. Тут либо пан, либо пропал. Все остальное, конечно, захватывает, но рано или поздно оставляет нас ни с чем. Воздушные шары реальности: симпатичные, но такие хрупкие. Купить – не купить?

На самом деле пытаемся мы все, но итог один: от себя не уйдешь. Тем более, на чистом листе, где ты круглые сутки будешь под прицелом собственного Я. И все же... Нам так хочется верить.

Именно начать с чистого листа я и планировал, вернувшись из армии. Именно поэтому я так ждал этих дней, приближая каждый из них в уме. Такова природа любого человека. И вот...

...И вот утро приходит к тебе шумом на детской площадке за окном. Звенит будильник на мобильном телефоне где-то в комнате, ты не можешь определить, где точно; этот звук – привычный и такой противный, возможно, именно от того, что привычный. Сквозь оконное стекло падают лучи уже почти летнего солнца. А у тебя болит голова с похмелья после очередной встречи «за возвращение». От себя не уйдешь. Как, впрочем, и от всего остального.

Кое-как вываливаешься из постели – а другого глагола тут быть не может – и ищешь источник звука. Находишь на столе, рядом с бумажником. Он продолжает противно звенеть, и от этого начинает звенеть уже у тебя в голове. Лихорадочно жмешь на все кнопки подряд и, наконец, отключаешь. Слава богу. Он заткнулся.

И снова ложишься спать. Точнее добираешься до кровати, ложишься, закрываешь глаза. Но сон не идет. Под веками плавают разноцветные зайчики, которые вызывают дурноту. Пытаешься терпеть. Провалиться в сон. Натягиваешь на голову одеяло. Но ничего не получается. Ты ничего не можешь поделать с этими зайчиками.

Откидываешь одеяло и открываешь глаза. Смотришь в потолок. По потолку скользят солнечные лучи. Становится как-то особенно мерзко. Лучше бы была ночь. Зима. Сугробы по пояс и ни души на тысячи верст вокруг.

Но реальность приходится принимать такой, какая она есть. С этим утром, похмельем и головной болью. Планета Земля, как и родители, – мы ее не выбираем.

Что поделать, если любое веселье с непременной пьянкой оборачивается полным раздранием на следующее утро? Как в одном старом американском фильме: жаль, что наши великолепные планы, которые мы строили вечером в субботу, заканчиваются утром воскресенья. Как-то так.

Я нехотя встаю, одеваюсь и плетусь на кухню. Первым делом судорожно пью воду из чайника с остывшим кипятком. Потом иду в туалет и умываться.

Родителей нет – на работе. У мамы – она учитель – заканчивается учебный год, отец работает сменами сутки через трое. Ну что же – я предоставлен самому себе.

Сильного аппетита нет, но что-нибудь съесть надо, хотя бы в терапевтических целях. Делаю яичницу из трех яиц и двух кругляшек колбасы. Потом завтракаю и смотрю телевизор. По телевизору новости. Такие же, как и всегда. За то время, что я был в армии, мир не изменился. Убийства, нищета, разруха. Плюс экономический кризис. Новый жупел в арсенале политических воротил.

Как ни странно, голова понемногу проходит, но наваливается слабость, тело становится ватным. Я медленно вожу вилкой по поверхности пустой тарелки – с завтраком покончено. Вставать с табуретки не хочется. Голос теледиктора жужжит: курсы валют, встречи президентов, разруха-требуха-погремуха-порнуха-вполуха – в пол уха слушаю все это я.

Нет, действительно надоело. Неужели эта реальность настолько примитивна, что тысячами в ней ничего не меняется? Одно и то же, круг за кругом. Кровавые жертвоприношения майя, теперь вот календарь майя – предсказания о конце света и все такое. Слушая новости, я понимаю, что конец света случился давным-давно, когда этот свет только дали. А теперь мы просто агонизируем, не желая принять очевидное: все мы давно мертвы.

Наконец отрываю свое тело от табуретки и встаю на ноги. Первым делом выключаю телевизор, потом кладу грязную тарелку в раковину. Мыть ее сейчас совсем не хочется – помою потом. Иду в комнату.

В комнате плюхаюсь на диван и засыпаю. Сон – единственное спасение от реальности, изменить которую мы не в силах. Хрупкая иллюзия, поддерживаемая размякшим рассудком. Мы слишком малы и ничтожны, чтобы менять этот огромный безумный мир.

Что-то плывет перед глазами, какие-то фигуры и образы. Разноцветная чехарда сновидений. Казармы, плац, поезд, президент, телевизор, новости. Я мечусь в клетке собственного сознания, как животное, застигнутое врасплох лесным пожаром. Дни, месяцы, годы. Рождение, взросление, школа, институт, армия, работа, семья, рождение детей, работа, дом, работа, работа, работа, пенсия... смерть. Бесконечный лабиринт с одним входом и выходом. Войдя, ты уже знаешь, где выйдешь. Знаешь – как. Почему. Тебя вынесут. Но сперва ты поплутаешь по мрачным коридорам да скользким тропкам лабиринта.

Я просыпаюсь. Медленно выхожу из сна. Вырываюсь из его вязкой желевой патоки. Шевелю затекшими ногами, собираюсь с мыслями. Вроде стало лучше. По крайней мере, пропало ощущение скорого и неотвратимого конца, что было утром. Открываю глаза.

Комната. Та же самая. Те же звуки за окном – звуки конца весны, звуки предчувствия лета. Пение птиц, крики детей, плавное урчание каких-то механизмов. Ничего не изменилось.

Покинув диван, я иду покурить на лестничную площадку. Надо окончательно проснуться.

Пока курю, из соседней квартиры выходит сосед Лаврик – контуженный и крепко пьющий ветеран Афганской войны. Сегодня он, похоже, опять навеселе.

– Здорово, – говорит Лаврик.

– Здорово, – отвечаю я.

– Закурить есть? А то только проснулся. Надо за сигаретами сходить. И за водкой. Вчера нажрался – ух!

Говорит Лаврик после контузии плохо – слова, словно масло по булке, размазываются по губам – а пьяный тем более: с трудом разбираю, что он там вещает. Видно, как трясутся его руки. Печальное зрелище. Протягиваю ему сигарету.

– А ты чего? – спрашивает Лаврик, принимая сигарету и показывая пальцами, чтобы я дал еще и зажигалку, – Где был?

– В армии, – даю ему зажигалку.

Лаврик прикуривает.

– Ну и как там сейчас?

– Да так себе. Назад не тянет.

Лаврик ухмыляется, потом затягивается.

– Ладно, пойду собираться, надо водки сходить взять, – он тянет руку для прощания.

Жму ему руку.

– Бывай, – говорю я ему.

– Давай, много не пей на дембель.

– Ты тоже.

– Мне-то что... – Лаврик с сигаретой исчезает в недрах своей квартиры.

Докуриваю в одиночестве. Смотрю в окно парадной, за окном плывут рыхлые облака. Ветер вяло рассеивает инверсионный след исчезнувшего за пределами окна самолета. Небо

застыло в майской истоме, задумчивое, ленивое, дряблое. Небу некуда спешить в отличие от людей. Люди уйдут – небо останется.

Вернувшись в квартиру, решаю обедать. Аппетит вроде появился, теперь не придется запихивать еду в себя как утром. Вообще после сна самочувствие мое существенно улучшилось, пропали неприятные последствия вчерашней гулянки. Иду на кухню.

В холодильнике суп и макароны. Достая и то и другое. Разогреваю. Телевизор не включаю – насмотрелся во время завтрака. Свежие новости, откровенно говоря, отдают чем-то несвежим. Все это мы уже пятьдесят раз съели и переварили. Хватит, устал.

В армии испытываешь информационный голод, потому что хоть телевизор в расположении и есть, и даже отведена ежедневная десятиминутка под просмотр программы «Время», посмотреть новости получается редко. Черпаешь информацию из писем с гражданки. Представляешь себе, как изменился мир в твоё отсутствие. Потом возвращаешься и понимаешь, что ошибался. Все по-прежнему. Зачем вообще нужна информация, если она не позволяет тебе открыть что-то новое? Старые стены с новыми обоями, сильно напоминающими своих предшественников, и прошлогодний снег. К черту все. Жизнь циклична. И, по большому счету, скучна. Мы идем по дорогам, протоптанным сотнями поколений до нас.

Обедаю, смотрю в окно. За окном пятиэтажка-близнец нашей. Дальше деревенские домики и снова пятиэтажки – так причудливо строился наш микрорайон.

На самом деле раньше тут была деревня с обычными деревенскими домами и огородами. Но в последнее десятилетие Союза на ее месте решили построить современные многоквартирные дома для молодых семей, а деревенских переселить в них, попутно превратив в городских, но нагрянувшие Перестройка и развал СССР похоронили эти грандиозные планы, бессрочно заморозив последние стройки последней русской империи. В качестве надгробий на этом кладбище невоплощенных замыслов теперь торчат из земли забетонированные фундаменты не построенных жилищ прямо за нашим домом. Из их серых провалов прорастают к небу деревья.

Смотрю на дорогу – не асфальтированную и очень пыльную в сухую погоду, а также очень грязную – во все остальные погоды. Тут все какое-то недоделанное. Недостроенное, не заасфальтированное. Словно какой-то волшебный исполин когда-то взялся возводить тут сказочную страну, но в самый разгар стройки махнул на все рукой и исчез в неведомом направлении, оставив сказку незаконченной – несбывшейся мечтой.

После обеда я иду на улицу – кончились сигареты, надо купить. По пути встречаю своего друга детства – Петра.

- Здорово, – говорит он.
- Привет, – жму ему руку я.
- Куда направляешься?
- Да в магазин надо сходить...
- Пойдем вместе.
- Пойдем.

Идем, ведем разговоры за жизнь. Петр спрашивает, чем я собираюсь заняться после армии, то есть теперь. Я отвечаю, что надо восстанавливаться на заочное отделение в университете и устраиваться на работу.

- Дело хорошее, – говорит он.
- Любое дело хорошее, если его делать, а я вот пока только планирую.
- Ничего, старик, скоро перейдешь к активным действиям.

В ближайшем магазине покупаем сигареты и идем дальше – прогуляться по городу.

Майское солнце скользит своими лучами-щупальцами по облупившейся краске фасадов домов. На балконах сушится белье. Город не изменился. И не изменится.

В этой недостроенной, недоделанной сказке-жизни ничего не меняется, руины зарастают травой и деревьями, трава и деревья гибнут, и зима погребает их среди руин под толстым слоем снега. Люди стареют и умирают. Рождаются новые – чтобы постареть и сойти в могилу вслед за прежними. Колесо вертится, река сверкает на солнце. Дожди точат бетон. Годы точат сердца. Мы петляем по дороге, ведущей в тупик. Статичная стабильность. Ничего не изменится...

– Давай по пиву? – предлагает Петр.

– Давай, а то вчера так погуляли, что до сих пор немного муторно...

– Вот и подлечишься.

В магазине, куда мы заходим за пивом, встречаем знакомых парней – Артема и Федора. Они тоже покупают пиво.

– Какая встреча, – улыбаются они.

– Все пути ведут не в Рим, а сюда, – замечаю я.

– Хорошо вчера погуляли?

– Лучше не бывает.

– Ничего, сейчас поправишься!

Потом мы пьем пиво в аллее, под кронами густых лип. Наблюдаем за редкими прохожими, перебрасываемся короткими фразами.

– Ты последнюю игру «Зенита» смотрел?

– Это с «Динамо» которая?

– Ну да.

– Не смотрел, если честно.

– И правильно сделал. Скучнейший матч. Кое-как в нули сгоняли.

– Накупили игроков – на эти деньги два стадиона, наверное, можно построить, – а те играть не хотят.

– С двумя стадионами – ты слишком хватил.

– Два не два, а результат один, никакой.

– Посмотрим следующую игру. Когда, кстати?

– Послезавтра.

Напротив аллеи – салон сотовой связи, туда заходят редкие люди. Наверное, покупают новые модели телефонов. Чтобы быть – как они считают – лучше, моднее окружающих. Идти в ногу с прогрессом. Это их страхи. Отстать, выглядеть хуже, быть никем – это их оживший кошмар. Самый страшный кошмар обывателя – быть обывателем.

Я думаю о том, что наши дискуссии на тему футбола, популярной музыки, политики – это всего лишь способ ухода от обсуждения собственной жизни. Потому что мы знаем: в ней порядка нет. Проще говорить о последних приобретениях любимого клуба, на которые потрачены огромные деньги, чем о том, что твоя собственная экономическая ситуация ждет незамедлительных реформ. В нас слишком много какой-то целомудренной пустоты. Слишком многое в нас пугает нас самих. Наши страхи ведут нас. Уводят от себя, подальше, куда угодно – хоть к обсуждению телевизионного шоу «Дом-2» – лишь бы не назад, к угрюмому и пугающему самому себе.

– Хватит о футболе, – говорю я, – давайте еще пива возьмем.

Парни соглашаются. Мы идем в ближайший магазин, соседняя дверь с салоном сотовой связи. Чтобы купить банальное пиво и остаться банальными молодыми людьми. Новое, необычное, и старое, банальное, находятся по соседству. Смотрите не перепутайте двери.

– Пойдем на речку, – предлагает Петр, когда мы выходим из магазина.

– Пойдем.

– Я, пожалуй, домой, – говорит Федор, – надо в комнате убраться: матери обещал, вечером пересечемся.

– Давай, звони тогда.

– Непременно.

Идем на речку. Я смотрю на свой родной город словно бы в первый раз. Вроде ничего не изменилось, а вроде изменилось все. Трудно разобрать. Что-то неуловимо другое, незнакомое прорисовывается в воздухе, в контурах домов, в идущих навстречу людям, но это другое все равно кажется уже виденным не один раз. Я не берусь судить время, пусть время судит нас. Наверное, даже стараясь остаться прежними, мы все равно меняемся, таково свойство времени.

Река все та же. Размеренно и сонно несет свои воды из далеких болот на юге к водохранилищу на севере. Берега в городской черте изрезаны открытиями известняковых плит, щербатый известняк ступенями спускается к воде и пропадает в ее темноте. Тут неглубоко – благодаря этим плитам, по которым проходит русло – на середине реки можно спокойно встать на дно. Минувя город, река расширяется и становится глубже, разрезается небольшими островками, заросшими травой и деревьями; ее берега покрыты камышом и вдаются в луга или – что гораздо чаще – в густой лес, нависающий над ней мощными фигурами вековых стволов.

Мы стоим на мосту, соединяющем город с рабочим поселком и шахтой – самой первой, благодаря которой наш город и появился на свет, названной в честь ее основателя Кировской. Мост тоже Кировский. Сейчас шахта закрыта, горючие сланцы в нашей стране давно стали бесперспективным топливом, а вслед за ними и шахты по их добыче – бесперспективными предприятиями. Шахтеры – бесперспективной профессией, а город... а город, как ни странно, остался – искать свою, никому не ведомую, перспективу. Остались и люди, перепрофилировавшиеся в продавцов, менеджеров и еще бог знает кого. Продавать стало выгоднее, чем долбить породу отбойным молотком в забое.

Пока у нас есть нефть и газ, мы проживем, думаю я. Кое-как дотащим себя до жалкой старости, когда государство кинет нам в лицо копейки честно заработанной трудовой пенсии. Наш президент, который настоящий, с диктаторскими замашками, а не его жалкий двойник, которого он время от времени ставит вместо себя, дабы не столь очевидно идти в разрез с Конституцией, и его приближенные, конечно, при всем при этом бедствовать не будут, наживая миллиарды, но и нам утонуть не дадут. Не в их это интересах. Только великой страной, которая вспарывает землю шахтами, взрезает стратосферу космическими аппаратами, строит заводы и фабрики, нам уже не быть. Ведь по-настоящему великая страна – это страна, в которой власть опирается не на амбиции и корыстолюбие отдельно взятого человека, а на собственный народ – единственное достояние любой уважающей себя страны.

Из моей экзистенциальной рефлексии меня выводит Петр:

– Тысячу лет здесь не был, пойдете к воде спустимся.

– Пойдем.

Мы спускаемся по пологому косогору, зеленеющему свежей травой; кое-где из ее зеленых косм пробиваются желтые цветки мать-и-мачехи. Садимся у воды прямо на известняковые плиты, что острыми клыками торчат из земли, гладкими белыми ступенями спускаются к воде.

Река неспешно несет свои воды в известняковой расселине, на середине образуются завитки водоворотов, у берегов качаются пряди осоки, течением тащит коряги и прочий сор. Изредка плескает серебристая рыбка, бросая на солнце слепящий блик. Река была здесь всегда, за тысячи лет до нас, она продолжит течь и после нас. Эти воды не запомнят всех людей, что когда-то бросали свои отражения на их мутную гладь. Люди уйдут, река останется.

– Как в армии-то было? – спрашивает Петр, он в армии не служил.

– Да по-разному там было, ничего особенно интересного.

– А в каких войсках служил? – это уже Артем, он, в отличие от Петра, армию прошел.

– В инженерных.

– Сплав науки и отваги?

– Вроде того.

– Я тоже в инженерных. Сначала в десант, в Псков, взяли, да быстро выгнали. Сослали в инженерные под Оренбург. У вас какая строевая песня была?

– Сплав науки и отваги и была.

– Начало помнишь?

– Всегда мы помним о былом...

– Как шли отцы дорогой славы... – продолжает за меня Артем и мы затягиваем куплет строевой песни солдат-инженеров.

Мимо проходит рыбак – старичок в выцветшей телогрейке, с удочкой-телескопичкой и ведром, в котором плещется улов.

– Как клюет? – обрывает песню Артем, обращаясь к рыбаку.

– Клюет, – коротко отвечает старичок и идет дальше.

Артем тут же забывает о нем и подхватывает припев песни. В две глотки мы доводим ее до конца.

Петр в это время швыряет камни-гладыши по поверхности реки. Гладыши проворно скользят по воде и долетают почти до противоположного берега. Закончив с песней, я тоже беру с земли гладыш и с размаху запускаю его. Камешек делает три неуклюжих прыжка и с брызгами плюхается в воду метрах в трех от берега. До Петра мне далеко. Я бросаю эту затею.

– А куда на работу планируешь устраиваться? – спрашивает меня Артем.

Я раздумываю над его вопросом. И вправду – куда? Зачем и почему? Эти мелочи способны свести с ума, но именно из них и сплетается паутина, которую мы принимаем за действительность.

– Не знаю еще, не решил. Куда возьмут, в конце концов. Менеджером каким-нибудь пойду, в офис сидеть. Менеджеры сейчас везде требуются, главная профессия века или вроде того.

– В ментовку не хочешь? У тебя же вроде батя – мент...

– Вот поэтому и не хочу. Диалектическое отторжение на генетическом уровне, если можно так сказать. Хватит уже ментов в семействе.

– А по мне так – нормальная работа, платят ничего и полное государственное обеспечение...

– Ну, это как посмотреть. По-моему, крайне бесполезная и бессмысленная работа. Люди должны уметь самостоятельно решать свои проблемы, обходясь без полиции, судов и прочих бюрократических институтов, навязываемых нам государством. Общественный договор это называется.

– Что-то плохо они без них обходятся, – смеется Артем. – Ерунда какая-то обычно получается, фигней называется.

В общем-то, он прав. К сожалению, человек так и не научился жить самостоятельно. С темных первобытных времен и до наших светлых дней мы нуждаемся в ком-то или чем-то, на кого можно было бы переложить свою ответственность, транспонировать свои страхи перед неизвестностью. Этот паразит – государство – не отомрет, пока он необходим нам как кислород.

– Все равно работа неблагодарная. Грязь и тоска. И государственное обеспечение, я тебе скажу, благо сомнительное, в особенности, если учесть, как наше государство любит его предоставлять, да и вообще что-то предоставлять.

– А я бы пошел... – вздыхает Артем.

– Ты? В менты? – вмешивается Петр, – Не смейся.

– А что такого? – Артем переводит взгляд на него.

– Да ничего. Просто смешно.

– Ладно вам горячиться, – я мирно улыбаюсь, – давайте лучше выпьем.

– Давай.

Мы стукаемся бутылочными горлышками и выпиваем пива. Во рту горьковатый солодовый привкус, слегка пощипывает губы.

Солнце медленно опускается по рассеянному белыми шрамами облаков небосклону, начиная плавно закатываться за верхушки деревьев на том берегу, – потихоньку наступает вечер. Хотя, конечно, вечера в мае – учитывая, что на носу вообще сезон белых ночей – светлы и не нагоняют такой тоски на сердце, как, скажем, вечера в октябре или феврале, но все-таки вечер – это вечер, это время зрелости и осмысления, время опыта и утрат, и это наводит на определенные мысли. Я смотрю на реку. Вода рябит под легким натиском ветра, рассеивая красные искры от закатных лучей. Время идет, река течет. А мы сидим на берегу и ничего не ждем. Наслаждаемся.

Выпиваем еще пива. Швыряем на спор камешки-гладыши – у кого дальше полетит. Выигрывает Петр.

По-прежнему сидим на известняковых плитах, разговариваем. Солнце гладит наши лица красноватыми ладошками, что тянутся сквозь нестройные ряды деревьев на противоположном берегу. Изредка налетает порыв ветра, который треплет наши волосы и пытается забраться под одежду.

– Что-то я устал смотреть на эту воду, – говорит Артем, – может, в город вернемся?

– Поддерживаю, – говорю я. – Только по городу пройдемся, на одном месте сидеть надоело.

– Хорошо, без проблем.

Мы возвращаемся в город. Вечер полновластно растекся по улицам, заполнив их прохладной тенью, таинственными загадками и чужими секретами. На душе легко, по телу разливается приятное тепло – выпитый алкоголь сделал свое дело. Хочется женской ласки.

Ах, май! Май-сорванец, май-развратник, что захватил наши души. Хочется наполнять легкие его воздухом до предела, пить его, познавать, овладевать этим вечером как застенчивой юной девушкой. Хочется жить. Радоваться и смеяться. Несмотря на боль грядущих дней. Несмотря ни на что.

Мы покупаем еще пива и идем гулять по городу. Улицы наполнены молодежью, которая прогуливается, как и мы, слушает музыку на автобусных остановках и просто общается. Автомобилей почти не видать. Изредка проезжает патруль ППС. Теплый ветер, немного усилившийся вместе с наступлением вечера, шелестит свежей листвой в кронах деревьев, гоняет мелкую пыль по растрескавшемуся асфальту у нас под ногами.

– Как-то все изменилось, пока я был в армии, – говорю я, – и не изменилось одновременно. Ерунда какая-то.

– Церковь вон построили.

– Вижу.

– А покрасили только фасад, на остальное краски не хватило.

– Батюшка приватизировал.

– Правда? – спрашиваю я.

– А то! Ушлый поп. Он на строительстве этой церкви неплохо наварился. Дом себе отгрочал – как у олигарха...

– Попы – вообще предприимчивый народ. Пользуются верой наивных сограждан в своих корыстных целях.

– А бог есть? – спрашивает меня Петр.

– Откуда мне знать? Если и есть, то он ни при делах. Такой же нищий и горемычный, как и мы. С его всепрощением и любовью к ближнему в наш волчий век не прожить.

– Это печально.

– А ты в бога веришь? – спрашиваю я Петра.

– Не особо.

– Вот и он в тебя не верит, – смеюсь я. – И вообще ни в кого не верит. Бог устал от всех нас.
– Что вы все про бога? – вмешивается Артем, – Вон девчонки какие ходят. Давайте с кем-нибудь познакомимся.

– Дерзай.

Артем пытается знакомиться с идущими навстречу девушками. Получается у него, мягко говоря, неважно. Да и ситуация не особо располагает: большинство – школьницы, те, что постарше, прогуливаются в компании своих молодых людей.

– Бросай ты это дело, – говорим мы ему с Петром, – никому ты не интересен.

– Это я-то? Это вы никому не интересны! – отвечает нам Артем и продолжает пытаться завязать знакомство с утроенным энтузиазмом.

В итоге, надо отдать ему должное, у него получается. Он знакомится с двумя девушками, представившимися Аней и Катей, и дальше мы идем гулять вместе. Девушки не особо красивы, но на безрыбье, как известно...

Артем пытается развлечь их беседой, мы с Петром в основном многозначительно молчим. Проходим так несколько кварталов, Аня с Катей слушают Артема, который рассказывает какие-то анекдоты, перемежающиеся со случаями из его жизни.

Сделав небольшой круг по городу, возвращаемся в аллею, где сидели сегодня днем. Я с Петром иду в магазин за пивом, оставив Артема в компании наших новых знакомых. Берем пиво себе и девушкам. Возвращаемся.

Артем с девушками расположился на скамейке в аллее под кронами лип. Продолжает заливать. Барон Мюнхгаузен прям. При виде пива девушки оживляются, тянут руки за своими бутылками. Простушки из местных. Скорее всего, учатся в техникуме на бухгалтеров. В худшем случае – в лицее на поварих.

– Чем вы занимаетесь по жизни? – спрашиваю я девушек, отхлебывая из бутылки.

– Учимся.

– Все мы чему-нибудь учимся – в меру сил и возможностей, – улыбаюсь я, – вы конкретно на кого?

– Это допрос?

– Вроде того.

– На бухгалтеров.

– В техникуме?

– А где же еще?

Вообще они правы: их занятия – их личное дело. В конце концов, все мы что-то как-то да делаем по жизни, и не всегда то, что нам нравится. Возможно, им светит стать средней руки специалистами по бухгалтерскому учету и пристроить свои попы в мягкие кресла какой-нибудь замшелой фирмы из местных. Может, и не светит. Кривая судьбы все равно рано или поздно всех нас куда-то выводит.

– А вы чем занимаетесь? – спрашивают в свою очередь девушки.

– Я в милиции работаю, – невозмутимо врет Артем, мы с Петром молчим.

– Правда?

– Чистая.

– Ну и как?

– Отлично!

Больше вопросов нет. Остаются только сальные анекдоты Артема, которых у него в достатке. Пусть рассказывает. Слова – ерунда, слова не важны, когда у нас есть такой вечер. Когда у нас есть этот пульсирующий сгусток времени, вырванный с мясом из утробы безумных эпох.

Мы пьем пиво и иногда перекидываемся короткими репликами. Говорить особо не о чем. Девицы не слишком общительные. Петр говорить вообще не любит. Мне сказать нечего. Ситу-

ацию в меру сил и возможностей спасает Артем, но мне видно, что в определенный момент становится скучно и ему. Наслаждаемся тишиной и теплым покоем майского вечера.

Потом девушки уходят. Одна из них, которая Катя, говорит, что дома у нее маленький ребенок и старая мама.

– А муж?

– Обьелся груш, – коротко отвечает она, и я понимаю, что тема исчерпана.

– Ну, пока, – прощается с девушками за всех Артем.

– Пока.

– Еще встретимся?

– Все может быть...

Все может быть... Они уходят. Растворяются в тени от домов и деревьев, в струях налетающего с реки ветерка. Все может быть... Или, быть может, все? Все, что когда-либо произойдет, случится, явится миру – все это уже кончено, свершилось и благополучно забыто?.. Мы идем по кругу, повторяясь, натыкаясь на повторы, расшибаясь об них. И разорвать этот круг не представляется возможным...

– Еще пива, господа? – спрашивает Артем.

– Еще одно и домой, – отвечаю я, – иначе я рискую повторить вчерашнюю ошибку...

– Давай так.

И опять мы пьем пиво. В который раз за сегодня? Опять эти повторы...

Я повторяюсь, потому что повторяется сама жизнь. О, этот заколдованный круг! Новое пришествие мертворожденных идей и людей. Все происходит снова и снова, рутинно и буднично; так, словно иначе и быть не может. Удел человечества – это глупые и скучные повторы, в которых он обречен искать смысл. О каком чистом листе может идти тут речь? Все равно вернешься к тому, на чем кончил. Жизнь невозможно начать с чистого листа в силу природы самой жизни.

– Ты когда уезжаешь в Питер? – спрашивает меня Петр.

– Завтра иду в военкомат – закрывать военный билет, может, завтра и уеду.

– Понятно. Надолго?

– Надо с институтом решать, работу искать... надолго видимо.

– Ага. У нас тут работы и вправду нет.

– Хотя что-то точно не изменилось за время моего отсутствия!

Мы смеемся. Смех – это идеальный путь для побега из реальности, лазейка, в которую можно нырнуть на время, забыв обо всем. Говорят, смех продляет жизнь. Смех – это и есть жизнь. Единственная из всех возможных, настоящая.

– Пора домой.

– А пиво?

– По дороге допьем.

– Ладно.

Мы прощаемся с Артемом – он живет в другом районе. Жмем друг другу руки. Он рассказывает анекдот напоследок. Смеемся. Потом расходимся.

Идем по улице молча. Наговорились за сегодня. Я просто наслаждаюсь майским вечером и пустотой в голове. Там нет иллюзий, нет тревог и надежд, пустота – одна обволакивающая и баюкающая пустота. Словно что-то большое и больное покинуло мою голову, оставив взамен себя эту целительную умиротворяющую пустоту. Наверное, это чувство – верный спутник свободы. Ты свободен, когда пуст.

Прощаемся с Петром на лестнице в парадной – он мой сосед, живет на два этажа ниже.

– Ну, давай, старик, удачи тебе, – жмет мою руку Петр.

– Тебе тоже.

– Ага. Если что – звони.

– Обязательно.

Возвращаюсь домой в двенадцатом часу – куда только подевалось время? Вроде, недавно из дома вышел... Встречает мама:

– Нагулялся?

– Вроде того.

– Опять пиво пили?

– Не без этого.

– Лучше бы о будущем думал.

– Я подумал.

– И что?

– Жизнь невозможно начать с чистого листа в силу природы самой жизни

Мама хмурится, потом смягчается.

– Есть будешь?

– Буду.

– Тогда переодевайся и мой руки.

– Не вопрос.

Я ужинаю и смотрю телевизор. Вечерние ток-шоу с приевшимися ведущими, какие-то однообразные фильмы с похожими сюжетами. Родители в комнате смотрят «Дом-2». Это бесконечный телевизионный проект с девизом «Построй свою любовь», где глупенькие провинциальные мальчики и девочки перед камерами корчат некое подобие взаимоотношений. Суррогат чувств. Эрзац реальности. «Дом-2» шел задолго до того, как я ушел в армию, идет и сейчас. Ничего не меняется, все повторяется. Жизнь невозможно начать с чистого листа. Я иду спать.

Чумной танец

Время останавливается, когда тыходишь в Город Убийц. Все блокпосты пройдены – ты можешь свободно двигаться вглубь лабиринта. Ты – убийца, и ждут тебя на улицах коллеги по ремеслу. Но отступить нельзя – чума идет по следу.

Караваны незрячих и безумных тянутся в город, смерть ступает по их пятам. Спасение там – в городе, если, конечно, вообще возможно спастись среди жрецов смерти, исправно приносящих ей свои жертвы. Но мы несвободны в своем выборе.

Пикирующая реальность, козни осенних печалей. Вглубь города, все дальше в лабиринт. Такова миссия – условное спасение. Все идут в этот Храм, к алтарю, что на вершине Зиккурата. Там освобождение от ига болезни. Фикция, зовущая вдаль.

– Побег из капкана в силоч, – говорит мой незримый собеседник.

– Свистопляска чумной мечты, – вторит первый встречный убийца.

Я избегаю кинжала, наношу удар первым. Либо ты, либо тебя. Иного не дано. Изменчивая структура небытия. Будь ты – кто-то или никто – не важно, цена смерти одна для всех. Противоядие тоже одно. Говорят, где-то в Храме. Точно не знает никто. Всех гонит страх. А больше ничего и не осталось.

Беглые преступники и просто любители легкой наживы – все здесь. Словно насекомые полурасправшихся планет роятся вокруг полуслепоего солнца. Оставить все, идти в неизвестность.

– Там, в Храме, может быть такой же разгул чумы, что и за пределами Города, – говорю я сам себе, – никаких гарантий нет.

– Но ведь так хочется верить, что не ошибешься? – спрашивает незримый собеседник.

– Очень хочется.

Переломанный позвоночник прошлого, вырванные внутренности настоящего – никто не хочет гадать, но другого не остается. Ты либо играешь по этим правилам, либо ты стерт.

Пагубная концепция мироздания: твоя цель впереди, потому что позади твоя смерть. Смерть не может быть целью? Или цель не может быть смертью?

В Городе Убийц данный постулат-таки работает. В обе стороны. Уходя от чумы, ты напарываешься на аламутского асасина. У него снайперская винтовка американского спецназа, с лазерным прицелом, немного устаревшая модель, но Смерти все равно, она не гонится за модой. Тебя прикончит он, а не чума. И так далее.

Однако страх будет гнать людей и дальше. Попытка выжить в огне печей концентрационного лагеря. Пусть будет так. Достоверная иллюзия свободы.

– Что есть свобода?

– Как и ее отсутствие – ничто.

– Почему?

– Уходя от одной смерти, натыкаешься на другую. Разница лишь в форме, не в сути.

– И что тогда делать?

– Ничего.

Они не верят в свою свободу. «Свободы нет!» – говорят они. Это необходимая ложь. Потому что свобода есть внутри каждого, но не каждый может заплатить назначенную за нее цену. Ядовитое Заблуждение... Спиноза пошел не по тому пути: свобода – не осознанная необходимость, нет. Она – единственно необходимое и единственно возможное... все, что лежит за пределами страха. Но страх – соль жизни. И свобода обитает там, где она, жизнь, кончается.

– Смерть... – мой незримый собеседник кричит в пространство. Это песнь, разрывающая его легкие. – Смерть – лишь мера внутренней свободы.

Передышка – Песнь 2. Куплет 2

Приходит утро. Новый круг нашего привычного и уютного ада. Очередной виток на орбите наших будничных страхов.

Ощущение нового... Его нет. Есть лишь закономерные страхи. Страхи перед будущим, страхи перед неведомым. Что будет? Еще одно утро? Или бесконечная ночь? Свободен ли ты? Свободен? От своих страхов, от своих снов, от теней того, что ждет за углом... Того, что скрылось во Тьме... Оно смотрит, оно наблюдает. Хочешь быть его жертвой? Будь ей... Ты свободен. Или это только кажется? Приходит утро.

...А с ним приходит осознание того, что нужно что-то делать, предпринимать, меняя реальность в угоду собственным страхам. Убегая от них. Строя прочные крепости, за стенами которых можно почувствовать освобождение от тревог и печалей.

Сегодня мне надо идти в военкомат – закрывать военный билет. Я снова стану гражданским. А значит, на меня навалятся гражданские дела и заботы. И мне придется расправляться с ними, преодолевая свои будничные страхи, повергая их и двигаясь дальше.

Итак, я иду.

В военкомате заспанный сторож с минуту разглядывает меня сквозь замусоленное стекло дежурной части, что-то прикидывая в уме (остается только гадать – что именно), потом показывает рукой куда-то вглубь здания.

– Поднимайся по лестнице на второй этаж.

– А там?

– Там спросишь.

– У кого?

– У кого-нибудь.

Исчерпывающий инструктаж. У меня складывается впечатление, что сторож проходил специальные курсы по дезинформации противника. Преодолеваю турникет и поднимаюсь по лестнице.

Унылая картина: коридор, по обе стороны которого двери. Куда мне? В какую из них? Одни вопросы, никаких ответов. Стучусь в первую попавшуюся, открываю. За дверью небольшая комнатка, заставленная стеллажами с бумагами, посреди комнаты стол – за столом женщина, что-то пишет.

– Военный билет где можно закрыть? – спрашиваю я.

– А вы кто?

– Демобилизованный.

– Это не ко мне, – курсы дезинформации, похоже, проходили тут все.

– А к кому?

– Дальше по коридору, – она, наконец, называет номер кабинета.

Иду туда. Точно такой же кабинет, как и предыдущий. Точно такая же женщина, как и предыдущая. Здравуюсь, называю цель своего визита.

– Присаживайтесь, – она указывает мне на свободный стул, стоящий возле ее стола.

– Спасибо, я постою.

– Как хотите.

Некоторое время она рассматривает мой военный билет и сопроводительные документы из части. Потом встает, подходит к одному из шкафов с приклеенным к нему календарем за позапрошлый год, открывает его и начинает там что-то искать. Проходит минуты три. Потом она достает какую-то папку и возвращается к столу.

Достает из папки кипу бумаг, что-то просматривает. Дверь позади меня открывается и в кабинет заходит молодой капитан с бегающими глазами. Судя по всему, новый военком.

– Тамара Ивановна, как у вас дела? Что с документами на контрактников? – спрашивает он женщину.

– Готовим, товарищ капитан.

– Сколько?

– Пока ни одного.

– М-да, – тянет капитан, – потом оборачивается ко мне, – ты кто такой?

– Демобилизованный, – отвечает за меня женщина, продолжая просматривать бумаги.

– Где служил? – продолжает свой допрос капитан.

– Под Москвой, – нехотя отвечаю я, чего он привязался?

– По контракту продолжить службу не хочешь?

– Нет, спасибо.

Этот вопрос задавали еще в части – и не раз. Реформа армии с треском провалилась: укомплектовать части контрактниками не получилось и наполовину. Офицеры сулили срочникам, которые согласятся подписать контракт, золотые горы, но даже последнему дураку было понятно, что эти горы существуют только на словах. Как могут обещать неземные блага люди, живущие в совершенно земных обшарпанных офицерских общагах?

– Зря. Сейчас контрактникам хорошие деньги платят, – капитан начинает отрабатывать поставленную Генштабом задачу, – жилье можно купить, автомобиль. А на гражданке – финансовый кризис, слышал уже, небось? Сокращают повсюду, даже менеджеров этих, которых как собак развелось, на улицу выкидывают...

– Кризис я как-нибудь переживу.

– Образование у тебя какое?

– Незаконченное высшее.

– Ну, вот там и образование закончишь...

– Главное самому там не закончиться.

– В смысле?

– В смысле спасибо вам большое, но как-нибудь без меня.

– Смотри сам. Услугу тогда одну окажешь? – его глазки хитро сощурились.

– Какую?

– Напиши заявление в школу контрактников – мне для отчетности надо. Документ ни к чему тебя не обязывающий, а нам – галочка. В действительности никуда не поедешь, откажешься, скажешь, что передумал. И контракт никакой подписывать не надо. А?

Он посмотрел на меня. Взгляд штабного пройдохи. Этот в задницу без мыла залезет. Собирает мертвые души, недоделанный Чичиков гоголевского райвоенкомата.

– Не хочу людей в заблуждение вводить. Одна ложь порождает другую – и так далее. Не надо давать бессмысленную надежду тем, у кого ее и так не хватает. Я свой долг Родине отдал.

– Да ладно. Одно заявление. Тамара Ивановна, какие там документы надо?

– Заявление и данные паспорта.

– Паспорт у тебя есть с собой?

– Нет.

– Тамара Ивановна, а без паспортных данных нельзя?

– Нельзя.

Привязался – теперь не отстанет. Я его последний шанс, это понятно. Надо отмазываться.

– Далеко живешь?

– Далеко.

– За сколько туда-обратно сходишь?

– Часа за четыре.

– Это как?

Я ему объясняю, что по прописке живу в самом дальнем углу нашего пусть и небольшого, но существенно раскиданного в пространстве городка. Капитан, видимо, не местный, прикомандированный – соображает с трудом, смотрит недоверчиво, но Тамара Ивановна подтверждает мои слова. Слава богу.

– Давай я тебе такси вызову, – достает капитан свой последний козырь.

– Послушайте, – отвечаю ему я, – зачем вам эта морока? Деньги свои на такси тратить опять же. После меня наверняка придут еще минимум человек тридцать дембелей – неужели среди них не найдется того, кто по собственному желанию захочет написать это заявление?

Капитан некоторое время думает над моими словами, потом сдается.

– Ладно, черт с тобой. Тамара Ивановна, что там ему от вас надо?

– Военный билет закрыть.

– Вот и закрывайте ему поскорее, и пусть катится отсюда ко всем чертям. К финансовому кризису своему, – капитан присваивает мне целый мировой кризис – вот уж спасибо. Сам он, хлопнув дверью, удаляется. Я смотрю на Тамару Ивановну.

Она ставит штемпель в мой военный билет и протягивает его мне. Сопроводительные документы остаются у нее.

– Возьмите. Теперь можете быть свободны.

– Спасибо. Я тогда пойду?

– Идите.

И я покидаю военкомат с легким сердцем, напоследок простучав каблуками по ступеням лестницы и стукнув вертушкой турникета. Прощайте! Прощай армия! Меня ждет мой личный мировой финансовый кризис. Или как его там?

Наши победы есть лишь эхо наших будущих поражений. И нисколько не наоборот. И, тем не менее, мы упиваемся ими, лелеем их, как то единственное, что придает хоть какую-то цену нашей жизни.

Армия для меня закончилась. Теперь уже точно. Начинался новый этап, и я не мог сказать, чего я от него ждал. Всякого. Одно я знал наверняка: доверять завтрашнему дню нельзя. Как, впрочем, и сегодняшнему. Нас всех ждет большая битва, в сравнении с которой нынешний кризис – ерунда.

Вернувшись из военкомата домой, я быстро собрал вещи, документы и книги, пообещав и попрощавшись с родителями, пошел на вокзал. Меня ждала новая дорога – в прямом и метафизическом смысле – которую я должен был освоить, пройти все ее извилины и ухабы, глотнуть знойной пыли и холодных дождей. Я отправлялся в Петербург – восстанавливаться в институт и устраиваться на работу.

На вокзале я купил в кассе билет и, выйдя на улицу, устроился на скамейке в тени большого дерева недалеко от платформы. Мой автобус отправлялся через двадцать минут, время еще было. Я вальяжно откинулся на спинку скамейки, закинув ногу на ногу. Возле скамейки вразвалку прохаживались голуби, подбирая с асфальта куски кем-то раскрошенной булки.

Что мы имеем? Сомнительное прошлое и не менее сомнительное будущее. В сухом остатке – нелепое настоящее, наполненное бессмысленной возней, где беззубые хищники пытаются сожрать точно таких же беззубых хищников. Этап за этапом мы громоздим пирамиду сомнительных жизненных достижений: заканчиваем школу, институт, устраиваемся на работу, увольняемся с работы, снова устраиваемся на работу, в процессе заводим семью и детей, затем уходим на пенсию, стареем и умираем. Карабкаемся наверх... Для чего? Чтобы потом сигануть с вершины в неприглядную бездну, полную мрака и страхов, которую так старательно пытались покинуть? Многие вопросы так и останутся без ответов. Человек – существо противоречивое и многое он делает не «почему-то», но «вопреки». Вот и я...

На соседней платформе метрах в двадцати от меня ждали свой автобус дачники – сезон начинался. В их вещах были сумки, груженные рассадой, грабли, лопаты. Люди начинали летний побег из города. Собирались сеять и жать. Я – в метафизическом и иносказательном смысле – был одним из них. Тоже собирался сеять и жать. Вот только какие ростки даст моя почва?

Вопросы водят нас по кругу. Мы их задаем, мы же на них и отвечаем. Либо отвечает время – но новым вопросом.

Мою конструкцию из нанизанных одна на другую мыслей разрушил малыш, который выбежал из-за угла и распугал голубей. Те вспорхнули клекочущим облаком и, отлетев метров на десять, сели возле небольшой лужи. Малыш тут же направился к ним.

Его остановила бабушка, появившаяся следом. Взяла за руку и принялась делать наставление строгим тоном. Малыш потупил взгляд, уткнувшись глазами в землю и лишь изредка исподтишка стреляя ими в сторону голубей. Забава не удалась.

Интересно, хотелось бы мне стать ребенком, и так же беззаботно гонять голубей вместо того, чтобы обустраивать свою жизнь, пытаясь вытянуть вектор из точки под названием «здесь и сейчас» в смутное и полное тревог «будущее»? Я задумался на секунду.

Ответственность, безусловно, пугает каждого из нас. Мы боимся постигать реальность, ибо реальность в чистом, экстрагированном виде не слишком приятна. Нам проще смотреть на нее сквозь призму навязанных извне стереотипов, сквозь кальку чужих мыслей и слов. Нам проще доверять управлению политикам, отдавать деньги банкирам, ждать прогнозов погоды от метеорологов, чем действовать самим. Такова природа человека. Именно поэтому история его цивилизации – это история перекладывания дел и задач с одних плеч на другие. И все же...

Мы не столь долго живем, чтобы размениваться по мелочам. И наши страхи рано или поздно пожирают нас. Всему свое время и все должно идти как должно. Может, поэтому я пришел к выводу, что возвращаться в детство я не хочу. Время ушло – и не вернешь его.

Тем временем к платформе с дачниками подошел автобус – запыленный, фырчащий ПАЗик. Дачники вереницей загрузились в него со всеми своими сумками и рассадой. Наступало время сеять...

Я посмотрел на часы. До моего автобуса оставалось пять минут, но автобуса пока не было. На платформе собирались люди – их набралось уже приличное количество. Они прохаживались туда-сюда, поглядывая на часы, как и я. Нас всех ждала дорога – каждого своя. Нам всем предстояло бежать. Отсюда – туда.

Наша реальность и наши сны – лабиринт. Мы плуруем по его коридорам в теплом полумраке, путаясь и в реальности, и во снах. Нас окружает искаженное, причудливое бытие, где потерялась причинно-следственная связь. У нас есть мечты и планы – сны, у нас есть падения и разочарования – реальность. Что идет за чем – непонятно. В этом месиве сомнительны все достижения, равно как и постигающие тебя разочарования. Если ты кем-то смог стать – значит, ты уже никогда не станешь кем-то другим. Кто скажет: ты приобрел или потерял?

В глубине этого лабиринта сокрыт храм, а в коридорах полно убийц. Они убивают нас, мы и есть эти убийцы. Убивая друг друга, а в первую очередь – себя, мы черпаем энергию лабиринта. Для того, чтобы растрачивать ее в очередном убийстве. Виток за витком – мы должны двигаться к храму.

Легко заплутать, легко сбиться. Можно вообще не дойти. Можно сесть и заснуть – то есть погрузиться в сон. Но заснув во сне – проснешься в реальности. Неизвестно, что первично. Главное – дойти до храма. Главное – подняться по его ступеням...

Автобус с дачниками уехал, подошел мой автобус. Я встал со скамейки и пошел к нему. Поднялся в салон, нашел свое место. Поставил вещи на сиденье к окну и снова вышел. Достал сигарету, окинул взглядом вокзал. Здесь ничего не менялось годами: люди приезжали, люди

уезжали. Круговорот людей. Водоворот душ. Вокзал, конечно, не запомнил ни одного из них, ни одного из нас: зачем помнить?

Перрон опустел, и я вернулся на свое место. Место рядом заняла средних лет женщина в шляпе с широкими полями – почти сомбреро – и в солнцезащитных очках. Зачем ей такая шляпа?

Минуты через две в салон поднялся контролер, я достал билет. Контролер быстро проверил билеты, пожелал всем счастливого пути и ретировался восвояси. Водитель закрыл дверь и тронулся.

Я вытащил из рюкзака плеер и воткнул в уши наушники-вкладыши. Включил воспроизведение.

*Я покидаю этот берег раненым зверем,
Мимо кочек и пней – в открытые двери...*

Я ступил в лабиринт. Я выбрал ход, я пошел этим ходом навстречу храму. Я чуял в темноте дыхание убийц, я чуял собственное дыхание.

Танец Уходящего все дальше и дальше

Улица за улицей, квартал за кварталом. Уходя все дальше и дальше, мы меняем локации – не себя. В себе уже ничего не изменишь, там все сгорело.

На Город Убийц падает удушающая жара, все раскалено и плавится. Это прекрасная аллюзия на адское пекло – места более похожего на чертог Сатаны не сыщешь. Здесь приходит расплата, и не важно, в каком виде она настигнет тебя: в облике идущей по пятам болезни или отравленной стрелы из арбалета. Никто не уйдет.

Платить по счетам. Кажется, это так называется. Слишком много брали, слишком мало дарили. Набежала солидная сумма. Кто надо – записывал. Он не из тех, кто прощает долги. Набрал – плати.

Те, кто вчера растрачивал дни на пьяные оргии и праздники духа, теперь здесь, липнут к обочинам, оседая в мареве. Там – их собственная безысходность, очередная расплата. Я вглядываюсь. Они жгут костер и варят наркотик в ржавой ложке. Колют его в себя грязным шприцом, одним на всех. Они живут одним днем. Как и прежде.

Там – ездили на работу, возвращались домой. У них были семьи и дома. Одни на всех. И еще – программа. Та, что вела их по жизни так же, как желание пустить наркотик по венам ведет к торговцу белым порошком.

Программа – одна на всех. Они жаждут управления, контроля. Приходи и контролируй их. Дай им наркотик. Они – рабы. Их сущность – больная плоть, никаких ошметков духа. Дешевый кайф им нужен, не Любовь. Не Сила и не Чувство. Их сердца пусты. Их вены сожжены наркотиками. Они передают шприц по кругу. Люди из Синих Ящиков управляют ими, сверля пустыми глазами их полые тела.

Им были нужны президенты, тираны и патриархи, теперь им нужен дилер, который поставляет порошок. Это Человек-с-головой-Быка. Я уже видел его мельком...

Иду дальше. Их армии не убывает, их все больше и больше. Они тоже убийцы, но рангом пониже. Хотя их жертва велика: они убивают собственные мечты. Хоронят заживо. Отдавая собственную волю своим правителям. А те, выпивая чужую волю, становятся бессмертны...

– Оставь их и свои думы о них, – говорит мой незримый собеседник, – ты еще встретишь Человека-с-головой-Быка и поймешь, почему он держит их на коротком поводке. Они – заложники собственной несостоятельности. Им нужна эта зависимость, потому что иначе их жизни в одночасье потеряли бы смысл. Свобода – хорошо, но только тогда, когда знаешь, что с ней делать. Они не знают. Дай им свободу – в лучшем случае они выберут другой наркотик, чтобы принести свои души на заклятие уже ему. Оставь их и свои думы...

– Зачем они бегут от чумы? Не лучше ли умереть?

– Умирать не хочет никто. И потом Смерть – это первый шаг к освобождению, а Свободы они как раз не желают...

– Получается, что они – жрецы собственных страхов и их же ритуальные жертвы?

– Ты все правильно понял.

Уходим все дальше и дальше в Город. Улица за улицей, квартал за кварталом. Все тверже осознание бесконечности пути, хотя Зиккурат все ближе и ближе. Круг за кругом приближаемся к центру лабиринта. Круг за кругом отдаляемся от собственного освобождения. Я начинаю подозревать, что убийцы на деле – такие же жертвы. Они убивают, в первую очередь, самих себя.

– Ты не вылечишь смертельно больных.

– Я это знаю.

– Подумай вот над чем: чем ты отличаешься от них?

Передышка – Песнь 2. Куплет 3

Стас – мой давний питерский приятель. Мы познакомились в те времена, когда еще и он, и я учились в университете. Стас как-то заехал к нам в общежитие – на одно из многочисленных празднований одного из многочисленных дней рождения одного из многочисленных представителей студенческого сообщества – и остался в ней на год. В те времена у него были серьезные разногласия с родителями из-за его пристрастия к азартным играм и прочим излишествам, поэтому общежитие показалось ему самым оптимальным вариантом: местом, где можно было бы пожить в свое удовольствие, не мозоля глаза предкам.

Тогда все произошло очень просто – как обычно и происходило в общежитии – Стас проснулся на утро с похмелья и остался у меня на день, дабы поправить здоровье перед возвращением домой. Здоровье мы поправили так, что на следующий день нам опять потребовался мелкий ремонт. Стас остался еще на день. Потом еще на один. И еще. А потом пробил через деканат себе комнату в общежитии и переехал из дома в нее. И понеслось.

По ночам мы спали редко, предпочитая играть в шахматы или на гитаре – Стас привез и то, и другое – восполняя энергетические потери алкоголем и долгим утренним сном – иногда до полудня, иногда и далеко за него. При этом мы еще и умудрялись учиться – то есть изредка ездить на самые важные пары, дабы совсем не отстать от учебной программы. В общем, проводили время так, как и положено настоящим студентам: весело и с огоньком. Это нас сплачивало.

Времена были чудесные. Все шло так, как и должно было идти: мимо неслись дни и ночи, недели и месяцы, сменялись времена года, все кружилось и сверкало разнообразными красками.словно в сказке. Нас окружали приятные люди: парни и девушки, особенно девушки, мы слушали музыку с утра до ночи, сходили с ума, влюблялись, разочаровывались, снова сходили с ума, ложились под утро, вставали в сумерках, пили, трезвели, теряли счет прожитым дням...

Наша сказка продолжалась. Мы знали, что согласно неумолимой логике бытия, рано или поздно любая сказка должна закончиться, сойти на нет, но старались не думать об этом. Мы просто наслаждались собственной молодостью, принимая ее, молодости, недолговечные дары... Превращая каждый день в вечность.

Сначала отчислили Стаса, а потом и меня. Так уж получилось – стечение обстоятельств. Мы не были самыми плохими студентами, может, чуть несобранными – из тех, кого называют разгильдяями, но точно не самыми плохими. Возможно, мы были новой формацией – теми, кто лучше видит жизнь, ее безысходное упрямство, предсказуемость любого конца. Все рано или поздно заканчивается. Поэтому мы и стремились проживать каждый миг как последний. Не заглядывая в будущее, теряясь даже в настоящем... Но настоящему, равно как и будущему, не нужны новые формации, их устраивает привычная посредственность, готовая играть по давным-давно сложившимся правилам. Мы оказались за бортом. Что уж теперь?

Мы не отчаялись. Мы продолжали веселиться и жить на полную катушку. Стасу родители купили небольшую квартиру-студию, дабы сплавить его с глаз долой, но при этом быть за него относительно спокойными, и теперь уже я поселился у него. Так и жил, продолжая время от времени навещать общежитие. Все неслось своим веселым чередом. Пока я не собрался в армию.

Мы виделись в мой армейский отпуск, когда я приезжал на побывку после года службы. Справляли мой день рождения. Тогда я узнал, что у Стаса все, наконец, более-менее устаканилось: он нормализовал отношения с родителями, устроился на работу в компьютерной фирме. В общем, продолжил жить в свое удовольствие, но уже с оглядкой на прошлое и с заделом на будущее. Только вот расстался с девушкой, на которой планировал жениться. Бывает. Мы приобретаем одно, теряем другое.

Не удивительно, что именно Стас был тем человеком, который первым пригласил меня к себе после возвращения из армии. Он по-прежнему жил один в своей квартире-студии. И был совершенно не против моего соседства – на первое время, пока я не устроюсь в Петербурге. Я его приглашение с благодарностью принял.

И вот теперь я приехал к нему. Стас встретил меня с улыбкой: «Привет, дружище, давно не виделись!» Я ответил на его улыбку своей: «Действительно давно». На самом деле прошло не так уж много времени в масштабах человеческой истории, но мы уж слишком привыкли проживать каждый день как последний и эти дни могли превращаться в года. Максимальная концентрация эмоций, максимальная концентрация бытия здесь и сейчас – вот была наша основная максима.

– Что нового? – спросил я Стаса, пока раскладывал свои вещи, осваиваясь в его квартире.

– Да все по-старому, ничего не меняется. У тебя как?

– У меня и подавно. Армия, знаешь ли, не то место, где каждый день случаются экстраординарные события.

– Здесь тоже как-то без них обходится.

– А кризис?

– А что кризис? Ну, есть кризис, не без этого, но люди-то живут, работают, даже зарабатывают некоторые... а кризис по большому счету происходит в головах.

– В армии, когда нас агитировали подписывать контракт, говорили другое: мол, жизни совсем нет тут, экономика погибает...

– Ага, погибает. Но мы-то не погибаем.

Перекурили на балконе. Я смотрел на проспект, убегающий по диагонали вдаль, – к недавно построенной кольцевой автодороге – на самолет, снижавшийся над домами, – в аэропорт, который находился тут недалеко, и ощущал какой-то странный прилив сил: вот он город, не раз и не два пытавшийся сломать нас, лежал перед нами, смирный и покорный; город, который мы просто обязаны были взорвать изнутри, захватить, сделать своим союзником. Пройти его лабиринт, увернуться от всех его убийц, чтобы подняться к вершине, с которой могли бы им править. Все или ничего. Только такой расклад мог устроить и нас, и город. И мы приняли его.

Раскладывая врученные мне мамой продукты и гостинцы в холодильнике Стаса, я смог воочию пронаблюдать все прелести холостяцкой жизни: холодильник был заполнен... ничем. Лишь в морозилке по стенам выступали сталактиты и сталагмиты льда. Стас пояснил, что питается в основном в близлежащих забегаловках либо в столовой на работе, дома готовит только лапшу быстрого приготовления, если слово готовка тут вообще уместно.

– Мы этот момент поменяем, – сказал я, разглядывая небольшую кухню. Армейское питание, конечно, не отличалось особыми кулинарными изысками, но питаться обстоятельно и впрок за время службы я привык.

– Меняй, если хочешь, – пожал плечами Стас, – только готовить тогда будешь все равно ты.

– Не вопрос, – подытожил я.

– Вопрос лишь в том, кто пойдет за пивом?

– Думаешь?

– А то!

– Ну, раз с готовкой порешили, могу и я сходить, заодно и продукты куплю.

– Продукты ты купить еще успеешь, не последний день здесь живешь, только приехал, а за пивом сходим вместе и прошвырнемся заодно по району.

– Как скажешь.

– Я уже сказал.

Мы обулись и пошли на улицу. Теплый вечер растекся по дворам, принеся уютную прохладу; для миллионов жителей мегаполиса наступало время отдыха, таинственное время духа и созерцания. Можно было собраться с мыслями.

Весна закончилась. Время тревог и перемен было вычеркнуто из календаря навсегда, близились лето новых поисков и надежд. Пока что мы просто шли пить пиво и болтать: за жизнь, о планах на будущее, о девушках, обо всем. Завтра нас ждали дела, сегодня мы могли ненадолго о них позабыть.

Стас купил по две бутылки на брата и сигарет – угощал он. Я пытался предложить поделить оплату пополам, но он беспрекословно отказался. «Ты – мой гость», – сказал он. Мы пошли в ближайший парк, разбитый позади крупного торгового комплекса.

– Ну, давай – за встречу, – сказал Стас, когда мы расположились на скамейке в парке.

– Давай, – мы стукнулись бутылками.

Наша жизнь зачастую банальна, хотя мы и не хотим этого признавать. Ее описание можно свести к простым вещам: пошел туда-то, встретил того-то, выпил с ним пива, поболтал о том о сем. К сожалению, это так. Из наших речей не составишь глубокомысленных трактатов о философии на память и в назидание потомкам, как это было у древних греков. Мы просты и предсказуемы. Наши проблемы, наши трудности и радости примитивны и похожи на трудности и радости всех остальных жителей земли, и с этим ничего не поделаешь. Поэтому читать про нас местами будет не интересно – это я точно могу сказать. Но, читая про нас, можно будет прочитать в открытой книге и всех остальных, тех, кто остался за пределами текста. Детали не важны, ибо детали просты и понятны, мы все живем одним и дышим одним. И этот вечер – лишь один из тысяч фрагментов огромной мозаики бытия, выполненной в однообразной манере, из однотипных и одноцветных кусков, дабы в совокупности уже стать чем-то гораздо более сложным. Поэтому все повторяется, круг за кругом, страница за страницей.

– Ты в университете собираешься восстанавливаться? – спросил Стас.

– Думаю об этом. Только хотел бы сначала попробовать перевестись на философский.

– Считаешь, получится?

– Не знаю. Теоретически возможно все, что явно не противоречит здравому смыслу, но, сам знаешь, на практике начинают вырастать такие преграды, которые даже здравому смыслу не по плечу.

– Это точно.

– Сам-то не пробовал восстанавливаться?

– Думал об этом, но не пробовал.

– А чем тогда занимался тут, пока я, так сказать, отсутствовал?

– Да так... Работал в основном.

– А не в основном?

Народ тянулся в парк от торгового комплекса целыми вереницами, люди покупали там продукты и выпивку и устраивали импровизированные пикники здесь, прямо на скамейках и лужайках. Я вспомнил, что сегодня пятница, а, значит, следом идут выходные, поэтому люди и оттягивались.

– С Танюхой расстался, – Стас достал сигарету и закурил.

– Это я знаю. Чего так?

– Устали друг от друга, наверное. Больше, конечно, она от меня...

– Понятно.

Характер у Стаса действительно был своеобразный, да и привычки...

– На «Дом-2» еще ездил, на кастинг.

– Да ладно?..

Я закуриваю вслед за Стасом, ожидая услышать интересную историю. После выпитого пива в теле легкость, я откидываюсь на скамейке: я весь внимание.

– Ну да. Делать было нечего, собрался и съездил в Москву.

– И?

– Не взяли. – Стас смахнул пепел и засмеялся.

– Это, в принципе, можно предположить – раз ты здесь, а не там. А если в деталях?

– Можно и в деталях. Я, когда с Танюхой расстался, полгода вообще полной ерундой занимался: ну, бухал, конечно, пока не надоело, суетился чего-то, пока опять же не надоело, в общем, делал много лишних и ненужных движений. – Стас сделал последнюю затяжку и ловким движением пальца стрельнул окурок метров на пять, тот, описав дугу, упал в густую свежую траву. – А потом решил: надо предпринять что-то такое, что не каждый день сделаешь, а, может, если прикинуть трезвым умом, и вообще не сделаешь. О чем будешь вспоминать с улыбкой или с грустью, не знаю, но будешь вспоминать. Вот я и решил на этот «Дом» поехать. Попробовать там построить свою любовь...

– И как, получилось?

– Как видишь.

Первое пиво оказалось выпито, и мы открыли по второй бутылке.

– В общем, взял я тогда отпуск на работе и поехал в Москву. Пришел на кастинг, там народу – просто тьма, не протолкнуться.

– Это вполне понятно. Работать никто не хочет, все хотят в телевизор.

– Не говори: хотят еще не то слово. Желают так, что человека готовы убить – лишь бы засветиться на голубом экране.

– Это мечта о несбыточном, каждый ведь хочет выглядеть лучше своего соседа. Телевизор дает эту иллюзию, потому что телевизор в сознании большинства обывателей ассоциируется со сказкой, с реализацией сна. Там все выглядят красивее, чем есть, богаче, чем есть, умнее, чем есть. Телевизор заменяет убогую реальность. Попал на экран, обошел соседа, которому о таком только мечтать приходится, – считай, жизнь удалась.

– Ага. Эффект сильный. Так вот – на кастинге толпы, поэтому он проходит в несколько этапов...

– Сколько этапов?

– Да почему я знаю?.. Меня зарезали на первом.

– Совсем не приглянулся?

– Тут история другая. Там блондинка такая, значит, сидит за столом загорелая, словно полжизни в солярии провела, и мальчик какой-то прилизанный. Они что-то вроде собеседования проводят. Ну, чем занимаешься, чего от жизни хочешь, хуе-мое. Ты на их вопросы, значит, отвечаешь, болтаешь, общаешься. Потом они задают свой коронный вопрос – это типа индикатор, по которому они народ и отсеивают.

– Какой? Про их шоу что ли?

– Нет. Про шоу ты можешь вообще ничего не знать. Типа потом сами научат. А вопрос такой: что у вас есть такого, из-за чего вас не выгонят в первый же день пребывания на шоу?

– Понятно. На эксклюзивность проверяют. И ты что ответил?

– У меня с собою пять грамм гашиша было – специально взял, чтобы в Москве не заскучать, я как раз перед собеседованием покурил, – ну я им и ответил: у меня, мол, гашиш есть, пять грамм, вряд ли меня в первый же вечер выгонят.

– А они?

– Юмора не поняли видимо.

– Да-а-а. А ведь, по правде говоря, с пятью граммами гашиша тебя действительно не выгнали бы в первый вечер. Да и во второй, наверное, тоже. Пока гашиш не кончился бы – не выгнали бы. А кончился бы – за добавкой послали бы.

– Вот и я о том же. Честно все им сказал – не прокатило, как видишь.

– Бывает, – иронично посочувствовал я.

История Стаса не была, скажем так, выходящей за рамки – я его давно знал, он умел закручивать такие сюжеты. От скуки он стебался над миром и людьми, его населявшими, не заморачиваясь по поводу моральной стороны вопроса. Принести гашиш на съемки популярного телешоу не было для него предосудительным поступком. В конце концов, телевидение – это тоже наркотик, посильнее гашиша, телевизионная реальность наркотическая – куда явственней и опасней, чем, например, галлюциногенные мороки хашишинов Аламута. Хасану ибн Саббаху и не снилось такое оружие, ведь будь у него телевидение – Европа и весь остальной мир давно преклонились бы перед могуществом низаритов. Так что Стас, по сути, попал в точку. Другой разговор, что его не поняли...

Может, и поняли. Но двум наркотикам рядом не место. И когда есть такой сильный наркотик как телевизор, вряд ли кто-нибудь станет мешать его еще с чем-то. В общем, суть пролета Стаса на «Доме-2» мне была ясна.

– Ты хоть не расстроился? – полушутя спросил я Стаса.

– Расстроился. От расстройства пришлось весь гашиш скурить. В одиночку. Чтоб этим гадам с телешоу ничего не досталось.

Мы засмеялись. Пиво подходило к концу, и нами было принято решение возвращаться домой. Тем более что я устал с дороги, а Стасу хотелось выспаться после трудовой недели. Мы поднялись со скамейки и пошли наискось через парк к дому. Люди, оккупировавшие парк, расходиться не собирались, они только начинали свое движение сквозь лабиринт предстоящих выходных дней. Шут с ними. Мы еще успеем ухватить свое – пусть не сомневаются.

Перед домом все же зашли в магазин и взяли еще по два пива. Посидели на скамейке возле парадной, перекурили. Потом поднялись к Стасу в квартиру. Я чувствовал приятную усталость.

Что-то начиналось – это ощущение проникало в меня извне, из окружающего мира, не тревожное, скорее таинственное чувство, которое заставляло дышать чаще. Что-то начиналось. И я готов был встретить это, каким бы оно не было.

Прошлое – приехавший родственник, настоящее – старый приятель, будущее – загадочный незнакомец. Никогда не знаешь, что у него на душе. Приятных незнакомцев почти не осталось на этой планете, и за его личиной скорее всего скрывается какой-нибудь мерзавец... И все же. Мы надеемся до последнего.

С утра я проснулся первым – видимо, сказалась армейская привычка вставать рано. Стас еще спал. Часы показывали половину девятого утра, за окном брызгало тусклыми лучами утреннее солнце.

Я умылся и вышел на балкон. Пахло сырым бетоном – ночью прошел дождь. Вполголоса пели ранние птицы, шумели автомобили на проспекте за домами, вдалеке просвистела пригородная электричка. Как и прошлым вечером, в небе плавно снижался самолет, отбрасывая серебристые искры на солнце.

Потом я нашел у Стаса банку кофе. Кофе был на самом дне, но я наскреб на чашку крепкого горячего напитка. Сел за компьютер. Надо было просмотреть сайты с вакансиями, написать резюме. В субботу с утра, конечно, никто его читать не будет, но вот в понедельник... в понедельник менеджеры HR-отделов придут на работу и, просматривая свою электрическую почту под такой же бодрящий кофе, как и у меня, наткнутся на мое резюме. Соответственно, где-то к обеду начнут поступать звонки с приглашением на интервью... В идеале, конечно.

Сначала я проверил свою почту и заглянул на форум философского факультета. Там я позавчера оставил вопрос по поводу перевода на обучение. К своему удивлению обнаружил ответ:

«Добрый день, уважаемый Проситель. Да, возможность перевода существует. Приходите в деканат, там Вам дадут список необходимых документов». Ниже следовала подпись: заместитель декана по учебной работе N.N.N.

Это радовало. Значит, на утро понедельника у меня уже вырисовывались планы. Хорошо. Я отхлебнул кофе и перешел на сайт поиска работы.

Вакансии, которые предлагались, в принципе были предсказуемы. Вас водили по замкнутому кругу от менеджера по закупке приводов для токарных станков до менеджера по продаже унитазов. Образование для большинства вакансий значения не имело, хотя и указывалась необходимость наличия как минимум незаконченного высшего. Ерунда: на менеджера – в том понимании, в котором эта позиция обозначалась в коллективном бессознательном на просторах от Калининграда до Владивостока, – можно было выучить и обезьяну, в этом я был уверен. Мировой финансовый кризис никаким боком не ударил по российскому менеджменту: перестали продавать одно, стали осваивать другие товарно-денежные категории. Производство воздуха с его дальнейшей продажей и перепродажей, для страны, формирующей свой бюджет исключительно за счет сбыта углеводородных ресурсов, по-прежнему являлось ключевой отраслью народного хозяйства.

Я составил резюме и разместил на сайте. Потом написал несколько откликов на заинтересовавшие меня вакансии. Менеджер по продаже автоматизированных систем управления, менеджер по продаже серверного оборудования, менеджер по рекламе. Что-то в этом духе. В какие двери стучаться – мне было все равно, главное, чтобы их открыли и предложили что-нибудь меня устраивающее. Нужны были деньги: на жизнь, на учебу, на съем собственного жилья – у Стаса я вписывался только на первое время, таков был наш уговор.

Кофе почти остыл, я допил его в несколько глотков. Просмотрел свой аккаунт в социальной сети. Два предложения о дружбе, одно сообщение. Ничего интересного: малознакомые люди, приятели приятелей. Я отклонил предложения: мой принцип заключался в том, что в друзья я добавлял только тех, кого знал в реальной жизни.

Покончив с компьютерными делами, я пошел перекурить. Субботнее утро только началось, на улице появлялись первые прохожие, собачники и бегуны. Я подумал о том, что, наверное, было бы неплохо тоже заняться бегом. И бросить курить. Потом подумал о том, что бегать в городе, выражаясь на современном сленге, не true: слишком плохой воздух приходится прогонять через себя легким бегуном, выхлопные газы и прочий смог никто не отменял. Сигареты в сравнении с воздухом мегаполиса – детские игрушки.

В итоге компромиссного варианта я так и не нашел, но дал себе обещание подумать над этим вопросом на досуге: поддерживать себя в хорошей физической форме имело смысл. Возможно, стоило начать отжиматься от пола.

Перекулив, я решил принять душ. Пока мылся, проснулся Стас.

– Привет, – сказал он мне, когда я вышел.

– Доброе утро.

– Который час?

Я посмотрел на часы:

– Около десяти.

– Ага, понятно. Давно встал?

– Не очень. Около часа назад.

– Ну ты даешь!..

– Кто рано встает – тому бог подает.

– Ага. Кто рано встает – тот раньше всех и подает. У нас пива не осталось?

– У тебя что, похмелье?

– Слава богу, нет. Просто пива чего-то захотелось.

– Спешу тебя огорчить: не осталось.

- И черт с ним, пойду тогда в душ. Да, кстати, у тебя какие планы на вечер?
- Никаких.
- Тогда к девчонкам пойдем, приглашали.
- К девчонкам – значит к девчонкам.

Весь день мы провели, валяясь на диване. Стас периодически включал какие-то фильмы про животных на своем DVD-плеере, но ни один мы толком не посмотрели – надоедало. Скорее всего, фильмы в действительности были интересными, просто не ложились на наше настроение. Киты-убийцы и фауна бассейна Амазонки в этот день были чрезвычайно далеки от нас, несмотря даже на тщетные попытки Стаса приблизить их.

Я порывался сходить в магазин, купить продуктов и приготовить что-нибудь поесть, но Стас уломал меня сходить пообедать в кафе. Угощал он. Мы взяли по комплексному обеду и по два пива.

После обеда мы вернулись в квартиру и проспали почти до вечера. Как и с утра, первым проснулся я. Потом пробудился и Стас. Посмотрел на часы, произвел какие-то вычисления в уме и заключил:

- Пора.

Пора – так пора. Я надел свежую рубашку и светлые брюки, затем дождался, пока Стас позвонит девушкам с целью предупредить их о нашем скором появлении, и мы выдвинулись.

Сели на маршрутку прямо возле дома и поехали. Ехать было недолго: минут десять.

Вскоре мы уже ходили между стеллажей супермаркета, куда заглянули с целью приобретения двух бутылок вина и одной – коньяка, а также закуски. Совершив покупки, мы сгрузили их в два фирменных пакета, приобретенных тут же, и двинулись к пункту назначения.

Идти тоже было недолго, приблизительно квартал. Возле дверей парадной Стас позвонил в домофон, который секунд через десять запиликал, оповещая нас о том, что путь в парадную свободен. По времени, которое мы провели внизу, возле домофона, можно было определить с полной уверенностью: нас уже ждали. Мы поднялись на третий этаж.

Нас встретили с улыбками. Две девушки: одна повыше и явно постарше, другая моложе и ниже ростом. Стас поприветствовал их:

- Добрый вечер.
- Привет. Проходите!

Мы прошли в небольшую прихожую. Я представился.

- Мы уже знаем. Я Валя, – сказала та, что повыше и старше, – это Аня.
- Привет, – сказала мне Аня, – разувайтесь.

Мы разулись и нас повели на кухню. Стас достал из принесенного пакета бутылки и закуску. Одну бутылку вина убрал в холодильник. Девушки мигом оприходовали принесенные продукты: открыли банки с маслинами, разложили сыр и фрукты на тарелке.

Стас по-хозяйски управился с алкоголем: достал из настенного шкафа бокалы и рюмки, открыл бутылки и разлил содержимое.

- Ну, за встречу, – сказал он, подавая бокалы девушкам.
- За встречу, – поддержали они.

Я взял ближайшую к себе рюмку с коньяком и, чокнувшись со Стасом и его подругами, выпил. Коньяк приятным теплом скользнул по пищеводу. Я взял с тарелки кусочек сыра и закусил.

- Как дела? – спросил Стас девушек.
- Ничего, – ответила Валя, – я сессию сдала. Анька вот в отпуск собирается.
- Отлично, – воскликнул Стас и, не растрчиваясь на дальнейшие разговоры, начал еще.

– За знакомство, – на этот раз тост произнесла Аня и улыбнулась. Я понял, что улыбка адресована мне.

– За знакомство, – улыбнулся и я.

Выпили. Потом Стас сходил в комнату и включил музыку на компьютере. Квартира наполнилась звуками легкого транса с отстраненными космическими секвенциями и бодрого, как малолетний кислотник, драм-н-бейса. Мы выпили еще.

Стас с девушками обсуждали недавний рейв, на который они вместе ходили. Я рассматривал коллекцию магнитов на холодильнике. Керамические страусы из Африки, каучуковый австралийский кенгуру, деревянный бочонок пива из Баварии – интересно, они сами побывали во всех этих местах?

– Чего скучаешь? – спросила меня Аня, отвлекшись от разговора.

– Я не скучаю, я созерцаю.

– И как?

– Ничего, у вас уютно.

Дальше мы снова выпивали, общались – теперь в беседе включился и я. Меня спросили про армию, я в двух словах рассказал. Потом спросили про планы на будущее – я так же в двух словах объяснил: планов громадье. После этого пили за гостеприимных хозяек.

Вино и коньяк быстро закончились, мы со Стасом сходили в супермаркет и взяли еще. Опыянения я не чувствовал, только легкость, бесконечная и какая-то светящаяся, наполняла меня. Передышка перед затяжным боем? Возможно. Я принимал такую диспозицию. Пусть бои будут в будущем, пусть. Но здесь и сейчас творился праздник жизни, и надо было провести его подобающе.

Мы пили, слушали музыку и болтали. Вечер катился навстречу ночи, а та протягивала ему свои теплые объятия. Июнь в Петербурге – время белых ночей: границы дня и ночи стерты, минимизированы и призрачны, ты легко теряешься во времени, поддаваясь головокружению этих волшебных мгновений. Хочется пить эти дни, до дна, до последней капли. Каждое лето как последнее перед долгой зимой, которую никому не пережить. Примерно такие ощущения.

Потом Стас исчез. Я в одиночку болтал с Валей и Аней, в голове моей сгустился приятный туман, не заволакивающий рассудок, но делающий его несколько размытым и воздушным, сродни тому, что творилось за окном. Я рассказывал про мифы скандинавов, про Великое Древо Миров, на котором расположены три мира: Утгард, подземное царство, Мидгард, срединный мир, мир людей, и Асгард – жилище Асов, человекоподобных богов, ответственных за судьбы земные. Я рассказывал им про Одина – одноглазого бога воинов, скачущего на своем восьминогом коне Слейпнире, называл их валькириями – воинственными девами, забирающими павших воинов с поля брани. Роль воина я отводил себе. И если я должен был пасть в этой алкогольной битве, битве за вечное лето наслаждений, за свободу и бескрайнюю легкость дней, то они должны были забрать меня на своих крыльях и отнести в Асгард, в светлые пиршественные залы Одина, где я бы продолжил пир во славу великих битв и побед. Девушки слушали меня, кивали и смеялись. Мы пили и хохотали.

Стас обнаружился спящим в кресле в комнате, когда девушки собрались ложиться спать. Будить его не стали, нас оставляли на ночлег. Для меня разобрали и застелили другое кресло. Я был уже основательно пьян, и меня переполняло какое-то неосознанное восторженное ощущение завершенности. Словно все в огромной мозаике жизни складывалось так, как надо, все кусочки подходили друг другу, составляя правильный узор. Иллюзия? Конечно. Но иллюзиями жив человек. Ибо нет ничего более совершенного в его несовершенном мире. Иллюзии и фантазии, призраки и фантомы.

Девушки легли на диван, я разместился в кресле. Свет погас, мы остались в полумраке. Из окна лился приглушенный подслеповатый свет белой ночи. Не знаю, почему, но я спросил:

– Девушки, а можно я лягу к вам?

Секунда молчания, потом ответила Валя. Тоже вопросом:

– Зачем?

Действительно, зачем? Я не знал. Не стоило разрушать совершенства этой ночи. И мой ответ отдался эхом ее вопроса:

– И вправду: незачем.

Потом я провалился в глухой пьяный сон.

Танец с абсурдными вариациями

Теперь мы сидим на горячем асфальте возле мрачноватого заведения с характерным названием «Песок и Пепел» где-то в центре этого зловещего города. Я считаю мелочь, рассыпанную тут же на асфальте. В голове крутится пластинка со зловещими мелодиями моего уставшего от бессонницы и беспорядочности последних дней сознания.

Странные люди. Совсем ничего не хотят от жизни. Совсем. Это некая теория управляемого Хаоса: когда два совершенно несвязанных друг с другом события на самом деле являются взаимообусловленными. То есть, например, рождение младенца в Исландии приводит к очередной заварушке в Палестине. Кто-то называет это эффектом бабочки. Одна из вероятностей, казалось бы, стремящаяся к нулю, но на деле имеющая почти абсолютизированный смысл. Ты сбиваешься с пути, когда до цели остается полшага.

Человек-с-головой-Быка, о котором я столько слышал и которого недавно повстречал, спросил меня:

– Какой ты представляешь себе свою смерть?

Я задумался. Он курит «Лакки Страйк». Ага.

– Я думаю, что это просто медленное стирание – словно кто-то проводит рукой по запотевшему стеклу. Раз – и тебя нет.

Хорошо. Это очень хорошо. Потер руки, одну о другую. Татуировка с лицом мертвеца.

Он сам нашел меня. И сразу спросил о смерти. Словно это самый главный вопрос здесь. Впрочем, может, ему действительно виднее. Может, он знает кое-что такое... Что готовит этому миру его разгневанный бог... Хотя...

Бог – это просто пугающая тебя картинка, которая всплывает в голове, когда зажмуришься, сверяясь: сон ли это или же действительность. Ничего нельзя сказать определенно. И на такой жаре совсем невозможно пить. Никуда не годится.

– Я жил с одной девчонкой, она ненавидела свою мать. Подумывала об убийстве.

– Это комплекс Электры. Скорбь, зовущая нас во мрак.

Солнце висит в зените. Горячие волны ветра гонят по улице пыль и отчаяние. Засохшие трупы насекомых падают в мою ладонь. Я прикасаюсь к асфальту.

– На севере есть город, в котором всегда идет дождь. Люди там сотканы из воды, просто капли, брызги и струи.

Они растекаются по заросшим тиной руслам собственных кошмаров. Из темноты вод на них смотрят водяные боги и слепые рыбы. Там часто сходят с ума. Мне знаком этот город.

– Знаешь, есть один человек. Он живет в хрустальной сфере. Там есть кнопка – красная кнопка под стеклом. Он видит ее каждый день. Он останавливается возле нее, смотрит и долго думает. Во-первых, откуда эта кнопка в его хрустальной сфере? Во-вторых, что будет, если ее нажать? А потом в один прекрасный день он таки не выдерживает и, разбив стекло, нажимает кнопку. Ба-бах! – и всю планету разносит в щепки.

Что-то пошло не так. В выборе оправданий мы просчитались. Нас не простят. Я думаю о том, что для полноты картины здесь не хватает только потешных ковбоев и перекаати-поле, катающихся туда-сюда по этому захолустью.

Вселенная зарождается в тот момент, когда умирает надежда. Синтез белка. Я смотрю, как чьи-то сны материализуются в виде вполне конкретных объектов внешнего мира. Границы между реальным и иллюзорным больше не существует.

– Никакой революции не будет. Она попросту никому не нужна. Люди достойны своей нищеты, своих неизлечимых болезней и нелепых смертей.

– Матерь богов, плывущая в лазури.

– У парня два нарезных ствола, стреляющих ядерными зарядами...

Несомненно. Он прекрасен.

– Засохшую кровь необходимо соскрести. Жидкой – пропитать марлю и высушить. Иначе кровь загниет.

Я создаю системное знание, используя всеобщий диалектический метод. Это знание о беспорядке, творящемся в наших головах. Человеческая жизнь – абсурд, возведенный в высшую степень. Всякая логика тут отсутствует напрочь, мы делаем то, что не хотим делать, и не делаем того, что вроде как хотим и желаем. Генетические искажения и психофизиологический сумбур. Теперь уже Человек-с-головой-Скорпиона смотрит пристально на меня и задает вопрос:

– Что было бы, если бы ты никогда не родился?

Я бы никогда не родился.

Передышка – Песнь 2. Куплет 4

Утро понедельника началось с разочарований. Настроение после воскресенья, проведенного в веселом угаре, (проснувшись с утра в гостях у девушек, мы со Стасом немедленно организовали поход за алкоголем, дабы ликвидировать отравлявшее существование похмелье, и потом повторяли этот поход еще несколько раз) по правде говоря, было и так не очень. Ко всему погода испортилась, и на улице накрапывал мелкий дождик.

Собрав имеющиеся документы, я поехал на философский факультет и попал на комиссию по переводам. Но, вопреки моим ожиданиям, навеянному предварительным общением на факультетском форуме, в переводе мне отказали.

Де-факто возможность перевестись я имел, университетские законы этого не запрещали. То есть в теории любой человек мог перейти с одного факультета на другой в любой момент времени при наличии соответствующего желания. На практике же при переводе вам высчитывали академическую разницу, которую составляли предметы, входившие в программу выбранного вами для перевода факультета, но не изученные вами на том факультете, который вы оставляли. У меня их насчитали больше десяти. По тем же университетским законам человек с десятью и более хвостами должен был быть отчислен. Таким образом, меня могли взять, но тут же вынуждены были бы отчислить. Такой вот парадокс. Даже философы его объяснить не могли. Уж тем более я.

Поразмыслив над имеющимися раскладами, я пришел к выводу, что проще поступить на первый курс, чем переводиться. Либо доучиваться по своей специальности, так как времени на подготовку к поступлению почти не оставалось. Надо было все как следует обмозговать. Поэтому вопрос обучения автоматом уходил на второй план. Теперь я нуждался в работе: надо было на что-то жить. При наихудшем развитии событий я смогу продолжить обучение и на следующий год, а вот без работы я протяну ноги с голоду еще до конца этого месяца. Поэтому я решил немедленно приступить к ее поискам.

Поиски работы – это лотерея без победителя. Вряд ли ты выиграешь. Скорее капиталист, который любезно предложит тебе место на своей пыльной каторге в тесном офисе без кондиционера и с рабочим местом, оснащенным старым ламповым монитором, день за днем уничтожающим твоё зрение, получит какой-то дополнительный профит от твоего найма, не более того. Связь односторонняя. Но сам по себе процесс интересен.

Поиски работы напоминают театральное действо. В древнегреческом смысле. Тут есть свои догматы, и даже мифология. Дьяволоподобные директора и хтонические девочки из кадровых служб. Необходимо понравиться людям с достаточно размытыми критериями оценки. Для кого-то это будет внешний вид, для кого-то – ваш образ мыслей, однозначно можно сказать одно: вас возьмут не за ваш профессионализм. Лучше вообще ничего не уметь делать и обладать минимумом знаний.

Встречают по одежке – старая максима работает не всегда. Да и должна ли работать? Лично я не стараюсь понравиться – чисто внешне – на собеседовании. Не в моих это принципах. Тебя либо берут, либо не берут. Хотя определенный этикет и постулируется.

Кадровики натасканы встречать по внешнему виду, грешат этим и мелкие директора крысиных контор, начитавшиеся американских брошюр по эффективному менеджменту. Почему брошюр? Большинство мелких директоров не в силах освоить большой объем информации. Хотя ценность сотрудника определяется, конечно, не внешним видом. Почти все айтишники, разные системные администраторы и программисты, ходят на работу в чем попало, не уступая иногда (в особо запущенных случаях) своим внешним видом представителям самых маргинальных страт мегаполиса, и это не мешает им работать хорошо. Ведь именно айтиш-

ники делают будущее; напущенные люди в костюмах, обрызганные дорогой туалетной водой из рекламы, делают прошлое. Кому интересно прошлое?

Помнится случай из студенческих еще времен. Однажды мне надо было на собеседование, я искал подработку. Перед поездкой на собеседование я встречал с поезда старого приятеля. Выпили коньяку, когда я помог дотащить его тюки до дома. Немного – рюмки три. Потом я отправился, собственно, собеседоваться.

Это была сеть салонов сотовой связи, не самая крупная. В метро, как ни странно, меня с коньяка развезло – так что на собеседование я приехал в кондиции. Нас посадили в тесной пыльной комнатке примерно четыре на четыре, около пятнадцати человек, не помню точно. Не люблю коллективные собеседования – это цирк, от которого получает удовольствие только ведущий. Зато с них можно уйти в любой момент. Так вот – я ушел сразу после первого вопроса девочки из отдела кадров, проводившей собеседование, обращенного ко мне: как часто вы пьете?

Понятно, что она просекла, что я под градусом. Но это не важно. Какое моральное право она имела акцентировать на этом внимание? Люди нуждаются в работе, а обстоятельства бывают разные. Люди могут приходить с поминок или праздников, и, если они приходят, – значит, это важно для них. Никто не имеет права ерничать по этому поводу.

На работу берут, исходя из никому не ведомых критериев. Ты не знаешь, что там перешелкивается в голове у собеседующего тебя человека. Поэтому не выпендривайся, веди себя естественно.

Зачастую на собеседовании дают заполнять анкеты. Их толщина пропорциональна их бессмысленности: чем больше в анкете страниц, тем меньше смысла несет ее содержимое. Зачем твоему работодателю знать, например, о твоём хобби? Коллекционируешь ли ты бабочек или нестиранные носки под кроватью? Таких вопросов бывает с десяток, а то и больше.

Самые экзотические: какую литературу вы читаете или какие фильмы вы смотрите. Эти вопросы чаще всего попадают в анкетах соискателей на позицию менеджера-по-чему-угодно. Спрашивается: неужели кто-то всерьез думает, будто большинство менеджеров читают книги вообще?

Конечно, по тем или иным привычкам и вкусовым предпочтениям можно составить определенную картину о человеке, даже вполне себе подробную. Только большинству работодателей это не нужно. Зачем гендиректору знать о духовности кладовщика?

Анкеты, на мой взгляд, созданы лишь для того, чтобы обставить процесс приема на работу красивыми формальностями, вывести из поля пустой болтовни, которой, собственно, и является любое собеседование, в сферу чуть ли не творческого акта. Психологического откровения, по меньшей мере. Иначе чем вы объясните вопросы вроде: «Назовите свои слабые стороны»? Ответы на него могут вызывать только улыбку. Люди рассказывают все, что угодно (вроде «я трудоголик» или «я слишком эмоционален»), но только не правду о себе. Никто не напишет в анкете и не заявит на собеседовании о том, что он трус или что приворовывает по мелочам.

Правда на собеседованиях не интересует никого, потому что правда в большинстве случаев не очень-то красива и гигиенична, да и вполне может испортить торжественный церемониал. Работодатель слушает, как ему врут, и рад, что ему снова врут, потому что правды он не вынесет: эта правда будет и о нем тоже. Он ведь так же сыт, когда встречает трех-четырех подвыпивших громил где-нибудь возле круглосуточного магазина после двадцати трех часов.

В общем, к поиску работы надо относиться с соответствующей легкостью, не брать много в голову и ни в коем случае не переживать в случае отказа. Это театр, где каждый играет свою роль. Если вас не взяли, возможно, именно такова ваша роль на данном этапе. Смело ступайте дальше: ведь хоть и постулируется, что работу ищете вы (так как именно вы инициировали этот процесс), на самом деле работа в не меньшей степени ищет и вас.

Я зашел в компьютерный клуб неподалеку от университета и, оплатив полчаса работы, вышел в интернет. Посмотрел почту: на мое резюме, отправленное в субботу, откликнулись три работодателя. Я тут же обзвонил их и договорился на три собеседования. Первое начиналось через полтора часа. Я выдвинулся по указанному мне адресу.

– Итак, – вы хотите быть агентом по страхованию? – спросил у меня эйч-ар-менеджер на первом собеседовании в страховой компании.

– Да, – ответил я, и мы оба прекрасно знали, что это неправда. Ну серьезно: неужели кто-то действительно спит и видит себя агентом по страхованию? Вряд ли. Поэтому нелепый вопрос.

Людям нужны деньги, а, следовательно, нужна работа – и какой она будет: придется ли разгружать фуры с мороженой рыбой или договариваться с китайскими поставщиками о покупке партии пластиковых погремушек – им совершенно не важно. Посему ответ на такие вопросы вполне предсказуем: да.

– Почему? – второй вопрос эйч-ар-менеджера, несколько более сложный, потому что на сей раз требует более-менее развернутого ответа.

– Ну-у-у-у... Вы знаете... я люблю думать о будущем и люблю людей, которые думают о будущем... Так вот, страхование – это думы о будущем. Точнее это то, что мы делаем сейчас с заделом на будущее... Ну, вы поняли...

Не знаю, что там понял эйч-ар-менеджер, но допрос продолжился.

– Вы что-нибудь уже слышали о нашей компании? Может, рекламу видели?

Ничего и никогда я об их компании не слышал. И рекламы не видел. Мне было плевать. Меньше месяца назад я дембельнулся из армии, откуда мне было знать хоть что-то об очередной страховой конторе? Неинтересно.

– Да, конечно, – ответил я, – вы являетесь одним из лидеров на рынке страхования жизни и здоровья, ваша реклама в метро висит, я видел

Ответ мой понравился.

– Ну, в метро пока не висит, это со следующего месяца только, а вот в автобусах-трамваях – да.

– Вот я и говорю: в транспорте, чтоб, так сказать, обеспечить большой охват целевой аудитории...

Не стоило этого говорить. Выглядело так, будто я начал умничать, а кадровики этого не любят. По умолчанию самые умные – это они.

– Вредные привычки у вас имеются? – оборвал меня эйч-ар-менеджер.

Вредные привычки есть у каждого – в той или иной мере. Просто кто-то убивает себя сигаретами или героином, а кто-то обильной пищей с высоким содержанием холестерина. Вся разница лишь в установленной на данный момент конъюнктуре.

Вот, например, Гитлер в молодости был заядлым курильщиком, а потом из жадности бросил (посчитал, что тратит на сигареты непозволительно много денег); с приходом же к власти с его подачи в Германии развернулась такая антитабачная кампания, что мама не горюй. Кажется, он еще и вегетарианцем был. Ну и палачом по совместительству. Так что словосочетание «вредные привычки», на мой взгляд, давно и безнадежно устарело.

– Я курю.

– Много?

– До пачки в день.

– Вы же сказали, что задумываетесь о будущем...

– В смысле?

– В смысле не опасаетесь проблем со здоровьем?

Хитрый ход. Подловил меня на моих же словах. Парируем.

– Знаете, у меня приятель был, он вообще не курил и не пил, дожил до двадцати двух – в двадцать два его сбила машина. Насмерть...

– Сочувствую.

– Ничего.

– А когда вы готовы приступить к работе?

– Хоть завтра.

– Завтра не надо. Мы сначала должны набрать группу – пять человек, а потом запустим курс обучения, где-то с неделю: вас там введут в курс дела, познакомят с азами нашего, так сказать, ремесла.

– Хорошо, я готов подождать.

– Тогда мы с вами свяжемся.

– Договорились.

Первое собеседование закончилось. Все прошло так, как я и ожидал. Ребята из кадровых служб за время моего пребывания в армии не придумали ничего нового. Старые приемы, избитые вопросы. Скучно.

На втором собеседовании все в принципе повторилось, с тем лишь отличием, что на сей раз мне дали-таки заполнить внушительных размеров анкету. В ней, помимо сугубо официальных вопросов вроде имени, фамилии, предыдущих мест работы, было и несколько «креативных»: любимые книги, музыка, фильмы, какой вы видите свою жизнь через год-два-три и так далее. Любимые книги и музыку я проскочил: тут либо писать академический список, либо не писать ничего вообще. Пусть думают, что я не читаю, музыку не слушаю, в кино не хожу. Так проще. Для них же, не для меня.

А вопрос о будущем был интересен. Стоило задуматься над ним. Нет, и вправду: пофантазировать – это всегда прекрасно, особенно когда ничего другого вам не остается. Ведь какой может видеть свою будущую жизнь человек, у которого нет даже работы? Какой угодно.

Положим, если ограничить область изучения встречным вопросом: какой я вижу свою жизнь через год, если вы возьмете меня в свою компанию, то ответ по большому счету будет зависеть от того, что ваша компания сможет мне предложить. Если вы поставите мне оклад, приблизительно равный окладу топ-менеджера нефтегазовой компании, то через год я буду летать по встрече на бронированной иномарке с мигалкой, куплю просторную студию на верхних этажах нового жилого комплекса и буду задумываться о загородном строительстве.

Если же мой оклад будет чуть выше прожиточного минимума, то какой бы я свою жизнь через год не видел, в действительности она будет балансировать на уровне прожиточного минимума – с учетом инфляции.

Все разговоры о том, что все в наших руках, – любимая тема пустословов. Каким бы талантливым ни был человек, на одном чистом воздухе он своего благосостояния не построит. Поэтому у любого менеджера в любой компании, даже с самой гибкой системой окладов-бонусов-вознаграждений, есть потолок, выше которого менеджер не прыгнет. Если здесь реально заработать тридцать тысяч в месяц, ты их при должном рвении и заработаешь. Но никак не пятьдесят и, тем более, не сто.

Поэтому какой я вижу свою жизнь через год? Да такой же. Главное, чтобы не было хуже. Не стоит сбрасывать со счетов финансовый кризис, который, между прочим, никто не ждал. Что я напишу в анкете? Да все что угодно: приобретение собственного жилья, создание семьи, начало своего дела, но только не правду. Люди не любят правду, я уже говорил.

В остальном собеседование – как собеседование. Дежурные вопросы, дежурные ответы. До чего же скучная, должно быть, у людей работа: собеседовать других людей. Да и вакансия соответствующая: менеджер по продаже сантехники. Спрашивается, набором каких уникальных знаний надо обладать, чтобы продавать унитазы и ванны?

Видимо, здесь считали иначе, потому что моя кандидатура не подошла. Я это сразу понял. Хоть мне и сказали, что позвонят. Пусть эти байки рассказывают своей бабушке. Лучше бы честно сказали: вы нам не подходите. Вы не сможете продавать унитаза, потому что это требует максимальной самоотдачи, а вы этого сделать не можете, не можете мобилизовать все свои духовные силы во благо фаянсовых друзей человека. Как-то так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.